

М. В. Шкаровский*

Из истории старообрядческой общины Громовского кладбища Санкт-Петербурга

Еще в годы Гражданской войны (в 1918 г.) был ликвидирован существовавший в Москве старообрядческий Богословско-учительский институт, и старообрядцы на несколько лет остались без своих духовных учебных заведений. И лишь 15 октября 1925 г. власти, наконец, официально зарегистрировали Богословско-пастырские старообрядческие курсы при жилом доме на Лиговской улице на Громовском кладбище¹.

Ходатайство о регистрации курсов в Ленгубисполком было написано 5 мирянами-учредителями, в том числе И. А. Черновым и В. К. Литвиновым. На самом же деле Богословские курсы были созданы по инициативе священника Самуила Фомичева и по благословению епископа Геронтия (Лакомкина), который сам преподавал на них литургику и церковный устав. Заведующим курсов и одним из преподавателей являлся о. Самуил, написавший также более 6 напечатанных затем на гектографе брошюр для учащихся. Епископ Геронтий и о. Самуил входили также в совет курсов, другими членами которого были священник Александр Георгиевич Устинов (из села Малышевка Тверской губернии), протодиакон Харлампий Марков, приехавший в Ленинград зимой 1925 г. известный начетчик-слепец Александр Акинфович Селезнев (он также прочитал много апологетических докладов на собраниях братства протопопа Аввакума), Савелий Маркович Поветкин, Степан Никандрович Колин, Алексей Петрович Чунин и Леонид Павлович Кирпичев. Совет курсов делился на 2 части: учебно-методический совет под руководством о. Самуила и хозяйственный совет во главе с С. М. Поветкиным. Кроме того, существовал президиум курсов в составе председателя о. Самуила, секретаря Г. Г. Лакомкина и о. Александра Устинова. Позднее, на допросе 13 апреля 1932 г., епископ Геронтий показал: «Главной целью богословских курсов было

* © Шкаровский М. В., 2012
Окончание. Начало см.: Вестник церковной истории. 2011. №3/4 (23/24). С. 219–246.

провести среди молодежи общее изучение церковных законов и вопросов, с тем чтобы поддержать веру в Бога и таким путем отклонить нашу молодежь от коммунистического учения»².

Открытие Богословских курсов привело к росту нелегальной издательской деятельности. Всего преподавателями курсов (прежде всего епископом Геронтием, о. Самуилом Фомичевым и А. А. Селезевым) были написаны и размножены на гектографе и пишущих машинках около 40 религиозно-философских брошюр: «О материализме», «Об атеизме», «О пантеизме», «Верит ли ученик в Бога?», «Происхождение христианства» и многие другие³. Кроме того, учащиеся выступали с докладами на собраниях братства протопопы Аввакума, члены которого приняли активное участие в создании и работе курсов. Приезжавшие в Ленинград для учебы молодые старообрядцы из разных концов страны перенимали у членов братства их опыт, получали литературу, инструкции и после окончания занятий уезжали с желанием создать у себя подобную организацию. Впрочем, некоторые учащиеся оставались в Ленинграде и становились активными членами братства протопопы Аввакума. Так, например, Иван Артемьевич Казаков в возрасте 17 лет в 1925 г. приехал учиться на курсах, поселился в специально устроенном общежитии, вступил в члены братства Громовской общины и, окончив курсы, остался в городе, поступив в 1929 г. в Ленинградский химико-технологический институт⁴. Полный состав учащихся курсов пока, к сожалению, не известен. В архивных документах сохранились лишь удостоверения, которые 12 апреля 1926 г. заведующий Богословскими старообрядческими курсами священник Самуил Фомичев выдал 4 учащимся: Л. А. Колышкину, М. П. Болотникову, И. А. Казакову и А. Г. Устинову, проживающим в общежитии курсов на Старообрядческой улице⁵.

2 июня 1926 г. административный отдел Ленгубисполкома выдал разрешение на проведение 27–30 июня на Громовском кладбище епархиального съезда Ленинградской и Тверской старообрядческой епархии. Всего на съезд прибыли 34 уполномоченных общин с правом решающего голоса и 83 — с совещательным голосом, председателем съезда был избран епископ Геронтий, заместителем председателя — священник Самуил Фомичев, а секретарями — А. П. Чунин, священник Александр Устинов и Л. П. Кирпичев. В первый день были заслушаны отчеты епископа Геронтия и епархиального совета по управлению епархией за 1924–1925 гг., которые признали правильными и одобрили. Затем с докладом об осуществлении постановлений Соборов выступил протоиерей Самуил Артемьев, в связи с чем была принята резолюция: «Принося благодарность протоиерею о. С. И. Артемьеву за сделанный им доклад, освещающий состояние старообрядческих приходов, не проводших в исполнение постановлений прошлого Освященного Собора, съезд считает нужным призвать все приходы епархии к более дружной работе по осуществлению Соборных постановлений, предложив им дать немедленно отчеты о принятых ими мерах своему епископу»⁶.

Большое внимание собравшихся привлек доклад трех мирян о воспитании и обучении христиан по законам Христианской Церкви. Съезд выразил

им благодарность и постановил: «Считая целесообразным и полезным для старообрядчества предложение Чураковой о восстановлении древнего старообрядческого обычая домашнего обучения христиан законам своей веры и чтению Священного Писания, просить общины, приходы и священнослужителей принять все зависящие от них меры к тому, чтобы старообрядцы получали необходимые для них сведения, указывая к этому следующие меры: а) устраивать посещение прихожан священнослужителями и катехизаторами в удобное для тех и других время; б) обучать детей законам веры группами по домам, согласно существующих законоположений; в) разъяснять значение молитв, обрядов и богослужения, одухотворяя их исполнение и г) воспитывать всех прихожан в духе христианской веры и соблюдения христианских семейных укладов и обычаев». В конце первого дня был заслушан доклад о деятельности Богословских старообрядческих курсов Ленинграда и выражена благодарность преподавателям⁷.

На утреннем заседании 28 июня епархиальный съезд принял устав епархиального совета (предложив совету выработать инструкцию для руководства), заслушал проект руководства для приходов и доклад о взаимоотношениях между духовенством и приходскими советами, доклад Воскресенской общины о печатном органе и доклад И. Г. Лакомкина о единообразии богослужебных текстов о молитве за страну, после которого принял резолюцию: «Войти в Освященный Собор с ходатайством о пересмотре всех вызывающих сомнение текстов молитв по стране и сделать соответствующие изменения». После обеда съезд по докладу о вечерних чтениях постановил: «а) предложить священнослужителям и церковным советам принять все необходимые меры к тому, чтобы в приходах устраивались церковные чтения после литургии или вечернего богослужения и призывать прихожан к усердному посещению их; б) просить прихожан как самих принимать участие в чтениях, так призывать к этому и других православных христиан; в) обязать приходы давать отчеты епископу о произведенных чтениях». Заслушав доклад протоиерея Харлампия Маркова о церковном пении, съезд постановил «просить Богословские курсы открыть не только обучение пению, но и обучение преподаванию пения. На основании постановления Освященного Собора 1925 г. вменить в непререкаемую обязанность церковным советам, чтобы они обязывали уставщиков обучать пению, а священникам, чтобы они в проповедях призывали к исполнению этого благого дела»⁸.

Важное значение имел доклад секретаря Ленинградского братства протоиерея Аввакума Г. Г. Лакомкина «О приходских братствах и об организации их», по итогам которого было принято решение: «Епархиальный съезд приветствует дело организации братств и призывает общины и приходы устраивать их, где это возможно, а где невозможно — [создавать] группы лиц, интересующихся духовно-просветительной работой, прося всех старообрядцев принять деятельное участие в работе братств». Заслушав после этого доклад М. И. Ершова о чинности и уставности церковного богослужения, съезд постановил: «а) поручить епархиальному совету воззванием разъяснить прихожанам вредность указанных в докладе преступлений; б) составить правила

о благоприличии в храмах; в) священникам внушать пастве, чтобы она оказывала сыновнее послушание Церкви». В конце 2-го дня работы съезд принял руководство для приходов и постановил просить правительство разрешить устройство специальных старообрядческих школ, сделав это через Освященный Собор»⁹.

В последний день заседаний съезд поручил епархиальному совету обратиться к Освященному Собору с предложением обсудить вопрос о целях и значении епитимии, собрав требующиеся материалы, и ходатайствовать перед гражданской властью о допущении священников для напутствия больных в больницы и родильные дома. Кроме того, было принято постановление о благотворительной деятельности: «Вменить в обязанность священным лицам и приходским советам или особо избранным лицам ведение благотворительных дел в приходе. Епархиальному совету поручить написать объяснение о пользе и значении благотворительности. Просить приходы иметь помещение для странноприимства». По докладу об иконографии Г. М. Казакова съезд решил «поручить священнослужителям и лицам, ведущим духовно-просветительную работу в приходах, разъяснение символического значения христианских храмов, святых икон и церковной утвари. Просить Богословско-пастырские курсы ввести иконографию в программу как особый предмет»¹⁰.

Понимая необходимость совместного противостояния антирелигиозной кампании, съезд активно занимался обсуждением вопросов «о примирении с неединствующими старообрядцами и другими группами верующих» (неоокружниками, беглопоповцами, беспоповцами, единоверцами и даже представителями Патриаршей Церкви, называемыми в то время «тихоновцами»). В связи с этим были приняты 4 постановления: 1. «Послать раздорствующим увещание с указанием раздора и их виновности в нем и передать на рассмотрение Освященного Собора»; 2. Поручить священнику о. М. Васильеву собрать материал о беглопоповцах и событиях в их обществах и вместе с докладом направить на Освященный Собор. «Просить последний разобрать вопрос о сомнении и приеме еп[ископа] Климента и другие вопросы о его личности, а также вопросы об отношении к самопомазанству Андрея Ухтомского (беглопоп)»; 3. «Просить еп[ископа] Павла (единоведец) ответить на послание Освященного Собора и личное письмо еп[ископа] Геронтия»; 4. Просить Освященный Собор дать разъяснения о беспоповцах, тихоновцах и др.»¹¹

Далее были заслушаны заявления П. К. Кирпичева о молитве перед иноверными храмами, доклады члена братства протопопа Аввакума А. П. Чунина «Культура, церковь и одежда» и «о руководстве для приходов», доклад И. А. Коновалова «об исполнении духовных стихов и песнопений на музыкальных инструментах», а также доклады М. П. Цветова и Г. М. Казакова о вновь образованных приходах. После выдвижения кандидатур съезд избрал 12 членов епархиального совета (в том числе епископа Геронтия и еще 4 священнослужителей), 5 кандидатов, 4 уполномоченных (и 4 кандидатов) от епархии на Освященный Собор, отметив: «В случае если епархиального

епископа не регистрируют в число членов, отказаться от регистрации совета вообще»¹². Следует отметить, что в состав епархиального совета вошли 3 представителя братства протопопа Аввакума; с 1926 г., когда вопрос об участии мирян в церковном управлении стал выдвигаться на первый план, члены братства стали действовать на епархиальных съездах гораздо активнее, образуя «особую фракцию» при обсуждении «Положения об Освященных Соборах»¹³.

В последний день работы был также утвержден кассовый отчет с 1 июня 1924 г. по 1 июня 1926 г., принята смета на следующий год и вынесено постановление просить Освященный Собор осуществить в Москве митрополию и в Ленинграде (несмотря на протест епископа Геронтия) — архиепископию с возведением Владыки Геронтия в сан архиепископа. В заключительной части были заслушаны доклады о приходской жизни с мест, доклад Ленинградской общины о призрении старых, доклады епископа Геронтия о святом храме, его значении и др. и принято постановление о не приехавших на съезд священниках. Работа съезда завершилась заключительным словом Владыки в назидание всем членам епархиального совета, обычной молитвой и прощением¹⁴.

Явное стремление участников съезда активизировать все формы религиозной деятельности и их смелая независимая позиция вызвали сильное раздражение у властей. После того как протокол съезда был передан в Ленгубисполком, губернский административный отдел 6 августа указал совету Громовской общины на то, что ряд постановлений епархиального съезда Ленинградской и Тверской старообрядческой епархии противоречит существующему законодательству, и предложил воздержаться от их выполнения: «По пункту 6 п[одпункты] 1 и 2 приняты постановления о возложении на приходы обязанности доплатить недополученную сумму, а также о том, чтоб епархиальное управление проверило доходность приходов. По законодательству СССР епархиальное управление никаких прав контроля над хозяйственной деятельностью общин и двадцаток не имеет и тем более не вправе проверять доходность с целью обложения приходов сбором в пользу Совета, т[ак] к[ак] ст[атья] 122 У[головного] к[одекса] карает виновных в установлении принудительных сборов, каковые могут собираться только в порядке добровольного пожертвования. По этой же причине совершенно противозаконно постановление (2-й абзац) по пункту 5 VII заседания, т[ак] к[ак] здесь не только принудительный сбор, но и еще замаскированный добровольным пожертвованием. Постановление съезда о п. 4 II заседания об уставе епархиального Совета является превышение со стороны епархиального управления, т[ак] к[ак] советы существуют без устава, и только в плане внутреннего распорядка может быть издан регламент. Из протокола усматривается, что епархиальное управление оказывает воздействие и руководит деятельностью Богословских курсов, между тем как по разъяснению Отдела культов Н[ародного] к[омисариата] ю[стиции] от 2-VII-23 года № 280 право организации и, следовательно, управления курсами предоставляется исключительно группе граждан, не объединенных в общину, двадцатку или состоящих в епархиальном

управлении. Заблуждением вызвано постановление по пункту 2 параграфу б, по коему предполагается обучать детей группами на дому. Существующее законодательство разрешает религиозное обучение детей родителям и приемным лицам, отнюдь не в форме групповых занятий (Разъяснение пятого отдела Н[ародного] к[оммисариата] ю[стиции] от 16-III-24 г. № 18711). На основании вышеизложенного АОЛГИ (административный отдел Ленгубисполкома. — *М. Ш.*) предлагает вам, приняв к руководству данное разъяснение, воздержаться от проведения в жизнь вышеперечисленных постановлений съезда»¹⁵. В июне 1927 г. на Громовском кладбище состоялся еще один съезд Ленинградско-Тверской старообрядческой епархии, проведение которого было разрешено отношением НКВД от 6 мая того же года. Однако, помня об осложнениях 1926 г., совет Громовской общины на этот раз не прислал протокол заседаний съезда в органы административного надзора, что вызвало новые конфликты.

Весной 1927 г. Громовская община безрезультатно пыталась спасти от закрытия старообрядческую церковь Белокриницкого согласия в честь Казанской иконы Божией матери в Кронштадте. Эта домовая церковь была устроена в 1903 г. купчихой Коноваловой, после смерти которой под храм была отдана квартира № 11 на третьем этаже дома № 12 по ул. Сайдашной (ныне Велищинского). Церковь и просвирня занимали обширную комнату в 6 окон, площадью 21 кв. сажень (95,3 кв. м). Этот храм существовал исключительно на пожертвования прихожан, причт состоял из настоятеля и причетника, обслуживавших религиозные нужды старообрядцев-поповцев Кронштадта и Ораниенбаума. Старообрядческая община в Кронштадте была невелика, составленный 24 января 1919 г. список прихожан включал лишь 26 человек. В соответствии с требованиями властей в этом же месяце была составлена опись имущества, 24 декабря 1918 г. избран приходской совет, 6 мая 1919 г. представлена справка о финансовом состоянии общины, а 7 мая заключено соглашение о передаче помещения храма в пользование верующих. Настоятелем церкви в 1-й послереволюционный год являлся священник Полиект Онисимович Елисеев, но во 2-й, 1918 г., он был эвакуирован (видимо, выслан) из Кронштадта, и община, не имея постоянного пастыря, оказалась вынуждена приглашать по мере надобности из Петрограда свободных от служб старообрядческих священников¹⁶.

В 20-х гг. XX в. приход, по существу, состоял только из членов 5 семейств, но службы в храме проходили еженедельно — в субботу и воскресенье. Изъятия церковных ценностей в 1922 г. не проводилось за их отсутствием. 19 марта 1924 г. община была зарегистрирована в городском церковном столе, а 25 сентября 1926 г. с прихожанами заключили новый договор о пользовании храмом, в это время их насчитывалось без детей около 30 человек. 3 октября 1925 г. и 31 мая 1926 г. были проведены приходские собрания, на которых обсуждались преимущественно финансово-хозяйственные вопросы, в церковный стол регулярно представлялись списки членов приходского совета — 16 мая, 2 декабря 1924 г., 10 февраля, 3 октября 1925 г., 1 января, 22 сентября и 2 декабря 1926 г. Возглавлял совет его председатель слесарь

В. В. Седов. За сохранностью инвентаря и церковного помещения тщательно следили, летом 1926 г. был проведен ремонт со вставкой новых стекол и оштукатуриванием стен¹⁷.

В середине 20-х гг. XX в. над храмом нависла угроза ликвидации. Так, в акте его технического осмотра представителями городских властей в январе 1927 г. говорилось: «Помещение содержится весьма чисто и опрятно. Помещение можно приспособить под жилую квартиру или пионербазу»¹⁸. Инструментом давления на общину было избрано резкое повышение арендной платы. Еще во время проверки церковного имущества 28 августа 1926 г. председатель приходского совета говорил членам проверочной комиссии о предстоящем закрытии церкви ввиду невозможности ее содержания. После этого община смогла продержаться около полугода, однако 15 марта 1927 г. приходской совет был вынужден подать в административный отдел Кронштадта заявление с просьбой расторгнуть договор и принять церковное имущество: «Ввиду предъявленной нам высокой платы за помещение церкви, которую не в состоянии наш малочисленный приход платить, мы отказываемся далее содержать церковь и со дня подачи настоящего извещения прекращаем молиться и посещать церковь, а также с этого дня прекращаем платить ЖАКТу (Жилищно-арендное кооперативное товарищество.— М. III.) за помещение церкви за неимением больше средств». 23 марта совет подал второе заявление о том, что ЖАКТ требует вносить арендную плату вплоть до момента сдачи ключей и очистки помещения от церковной утвари, а это уже целиком зависит от административного отдела. Прихожане писали, что рассчитаются с ЖАКТом по 15 марта, а далее платить не в силах¹⁹.

Как уже говорилось, ленинградские старообрядцы Белокриницкого согласия попытались спасти кронштадтскую церковь. Когда стало ясно, что это невозможно, совет общины Громовского кладбища 21 марта 1927 г. обратился в церковный стол Кронштадского райисполкома с ходатайством о передаче ей в бесплатное пользование церковного имущества недействующей старообрядческой церкви Кронштадта. Но городской административный отдел 4 апреля ответил категорическим отказом: «Ввиду того что вы не имеете никакого отношения к Кронштадту, в передаче в бесплатное пользование церковного имущества бывшей старообрядческой церкви вам отказано»²⁰.

Через 3 дня административный отдел в соответствии с существующими правилами вывесил объявление о сдаче по договору имущества и помещения церкви желающим верующим. Естественно, что таковых не нашлось, и 25 июня 1927 г. президиум Ленинградского губисполкома постановил закрыть храм «ввиду добровольного отказа группы верующих (двадцатки) от дальнейшего использования церкви за отсутствием средств на ее содержание и отсутствия желающих взять ее в пользование для религиозных нужд»²¹. 30 июня губисполком известил о своем решении кронштадтские власти, и 6 июля начальник административного отдела приказал образовать комиссию по закрытию церкви. Наконец, 9 июля состоялась формальная ликвидация храма и передача имущества представителями двадцатки. При этом последние попросили выдать им бесплатно служебные церковные книги (месячники,

Четы-Минеи и т. д.), не состоявшие в инвентарной описи. 14 июля церковный стол Кронштадта запросил о возможности такой выдачи административный отдел Ленгубисполкома, но 23 июля получил ответ о том, что «никакое церковное имущество не может передаваться отдельным гражданам бесплатно, а только группам верующих в бесплатное пользование по договору»²². В итоге весь инвентарь был передан в ведение административного отдела Кронштадта, а церковное помещение превращено в жилую квартиру.

Следует упомянуть также, что в 1-й половине 20-х гг. XX в. была закрыта церковь свт. Николая Чудотворца Большеохтинской общины Белокриницкого согласия в деревянном здании на Большой Пороховской улице. Однако в 1927 г. члены этой общины смогли добиться передачи им в пользование большой каменной единоверческой церкви свт. Николая Чудотворца (Милловской), построенной в 1845–1852 гг. по проекту архитектора Н. Е. Ефимова в центре города, на Захарьевской улице (сейчас улица Каляева). Председателем приходского совета Никольской церкви был избран десятник государственного Дрожжевого завода Василий Васильевич Корольков, активно помогавший братству протопопа Аввакума²³.

30 января 1928 г. собрание членов совета Громовской общины с участием членов советов Воскресенской и Никольской старообрядческих общин Ленинграда постановило созвать очередной епархиальный съезд, и на следующий день совет Громовской общины подал в НКВД заявление о разрешении созыва 29 апреля – 2 мая съезда Ленинградско-Тверской старообрядческой епархии, в которую тогда входили 18 приходов: 3 – в Ленинграде, 8 – в Тверской губернии, по 3 – в Псковской и Новгородской, 1 – в Вологодской губернии. В заявлении также сообщалась повестка дня и количество уполномоченных представителей общин с правом решающего голоса (не более 50)²⁴.

Получив это заявление, 8 февраля и 5 марта отдел административного надзора НКВД РСФСР дважды писал в Ленинградский городской административный отдел, прося сообщить председателю совета Громовской общины И. Г. Лакомкину о необходимости представить материалы епархиального съезда 1927 г.²⁵ Однако протокол съезда так и не был прислан. 26 февраля Лакомкин отправил в Москву в 3 экземплярах лишь выписку из протокола заседания объединенного совета Громовской общины о созыве съезда, справку о регистрации Громовской общины в столе регистрации Московско-Нарвского райисполкома 23 октября 1919 г., список приходов и примерное количество представительства, подчеркнув: «Это все, что требуется по инструкции НКВД для выдачи разрешения на созыв съезда»²⁶.

17 марта НКВД все-таки выдал официальное разрешение (за подписью заместителя наркома внутренних дел В. Егорова) о созыве епархиального съезда старообрядцев при общине на Громовском кладбище²⁷. Еще не зная об этом, совет Громовской общины 19 марта вновь подал заявление в НКВД о разрешении созыва съезда Ленинградско-Тверской старообрядческой епархии с 29 апреля по 3 мая, еще раз приложив в 3 экземплярах все высланные ранее документы (но не протоколы прошлогоднего съезда, в связи с чем их нет среди документов Центрального государственного архива Санкт-Петербурга)²⁸.

Епархиальный съезд, как и намечалось, открылся вечером 29 апреля 1928 г. Всего на него прибыли 38 уполномоченных общин с правом решающего голоса и 51 — с правом совещательного голоса, председателем съезда был избран епископ Геронтий, помощниками председателя — ржевский протоиерей Андрей Попов и священник Самуил Фомичев, секретарями — священник Александр Устинов и Л. П. Кирпичев, а почетным председателем епископ Калужско-Смоленский Савва (Ананьев), находившийся в эти дни в Ленинграде. В первый день были заслушаны отчеты епископа Геронтия и епархиального совета по управлению епархией, которые признали правильными и одобрили. Затем с докладами-отчетами выступили председатель Громовской общины И. Г. Лакомкин, председатель Горнецкой общины К. П. Баранов, представители 1-й Покровской общины Ржева, Никольской общины Ленинграда, ряда других общин и присутствовавшие на съезде священнослужители, в связи с чем была принята итоговая резолюция: «Церковные советы за их деятельность благодарить. Просить церковный совет Громовской общины и впредь не ослабевать духом, но уповать на помощь Божию. Просить будущий епархиальный совет принять все необходимые меры к удалению всяких недоразумений в приходах, где они имеют место. Предложить церковным советам на местах серьезнее относиться к оформлению своей церковной жизни в гражданском отношении. Побудить чад Христовой Церкви к тому, чтобы они сознательно относились к своим церковным правам и обязанностям, так как от этого во многом зависит благосостояние приходов... Духовных лиц благодарить. Просить их впредь неослабно трудиться, увеличивая благие стороны своей духовной деятельности и изживая ее недостатки, а также больше трудиться в деле христианского воспитания своей паствы»²⁹.

В начале 2-го дня работы участники съезда приняли к сведению доклад Л. П. Кирпичева о деятельности Ленинградского братства имени пророка Аввакума. Затем, заслушав доклад об отношении к постановлениям Соборов и епархиальных съездов по вопросам законам веры, съезд решил: «Постановление [об] Освященных Соборах и епархиальных съездах прочитывать в храме при собрании людей и осуществлять их при содействии приходских советов. К следующему епархиальному съезду священнослужителям и церковным советам представить отчеты о том, как на местах относились общины к тем или иным постановлениям Собора или епархиального съезда; читали ли, обсуждали ли их, осуществляли ли и желают ли осуществлять их?»³⁰

После обсуждения доклада протоиерея Самуила Артемьева о христианском воспитании и доклада братства пророка Аввакума о воспитании современных старообрядцев участники съезда постановили: «1. Духовным лицам обходить прихожан не только для исправления треб, но и для христианского назидания; 2. Усилить церковную проповедь; 3. По местам производить обучение Закону Божию, если того желают родители и дети, согласно имеющимся законоположениям гражданской власти; 4. Просить родителей воспитывать своих детей в духе истинного христианства; 5. Предложить духовенству, родителям и всем христианам содействовать воспитанию детей

личным примером; 6. Ходатайствовать перед гражданской властью о допущении старообрядцам преподавать Закон Божий детям в возрасте до 18 лет в неограниченном числе, каковое ходатайство просить Освященный Собор осуществить»³¹.

Вечером 30 апреля, заслушав доклад приходского совета Никольской общины Ленинграда о чинности при богослужении, участники съезда решили не допускать до моления еретиков и лиц женского пола в шляпках, а также постановили: «1. Предложить совету общин принять все меры для улучшения порядка в храме во время богослужения; 2. Поручить особо избранным приходами лицам наблюдать за исполнением порядков и обычаев в храмах; 3. Просить прихожан старообрядцев твердо и нерушимо соблюдать установления, правила и поручения Церкви Христовой; 4. Вменить духовным лицам в неприменную обязанность разьяснять в проповедях и чтениях о необходимости соблюдения порядка истовости в святых храмах»³².

Затем были заслушаны доклад братства протопопа Аввакума об улучшении христианского быта и предложение епископа Геронтия по поводу различных греховностей и нарушений законов веры и христианской жизни, вкравшихся в жизнь старообрядцев (пьянства, табакокурения, азартных игр, сквернословия и т. д.). В связи с этим было постановлено: «1. Отечески умолять всех чад Церкви Христовой решительно порвать с недугами и грехами; 2. Просить духовных лиц укреплять среди прихожан веру и сознательное отношение к христианской жизни; 3. Вменить в обязанность духовным лицам на исповеди, при посещении прихожан и в других случаях встречи с ними вести непрерывную борьбу с недугами и греховностями нашей жизни; 4. Поручить епархиальному совету написать и распространить обращения и увещания к пастве с просьбой оставить греховную жизнь. 5. По мере возможности провести в жизнь учреждения катехизаторов, т. е. лиц, могущих объяснить христианское вероучение». Еще одно подобное постановление было принято после заслушивания «Слова против пьянства» М. И. Ершова: «2. Вынести пожелание к устройству на местах братств трезвости; 3. На поминках по умершим, согласно соборного постановления, спиртных напитков не употреблять; 4. На трапезах в дни праздников и в случаях гостеприимства, если и употреблять вино, то исключительно виноградное и в мере, не превышающей устава»³³.

Далее съезд принял к сведению и осуществлению доклад братства протопопа Аввакума об обрядовом совершении таинств, поручив епархиальному совету составить канонические, догматические и уставные разьяснения по поводу каждого церковного таинства и раздать их по местам. После доклада И. Г. Лакомкина о единообразной форме моления за власть, участники съезда постановили: «Разослать по приходам разьяснения, согласно постановления Собора 1922 г. Вопрос о форме моления за власть снова передать на обсуждение Освященного Собора, так как вследствие неединообразия нарушается церковное благочиние. Просить епархиальный совет пересмотреть все богослужебные тексты моления за власть и дать соответствующее разьяснение по приходам». В конце второго дня работы съезд избрал 13 членов

епархиального совета (в том числе епископа Геронтия и еще 5 священнослужителей), 5 кандидатов (в том числе протоиерея и священника), а также 4 представителей (и 4 кандидатов) от епархии на Освященный Собор³⁴. По вопросу участия мирян в церковном управлении представители братства протопопа Аввакума составили, по свидетельству Л. П. Кирпичева, «целую оппозицию», стремясь добиться расширения прав мирян, но большая часть делегатов с ними не согласилась³⁵.

На следующий день участники съезда признали правильным кассовый отчет епархиального совета за прошедший год, утвердив расходы в сумме 837 рублей 84 копеек, и приняли смету епархиального совета на 1928/29 г. в сумме 1 тыс. 400 рублей. Заслушав затем доклад епископа Геронтия о работе по примирению с неединствующими старообрядцами и составленную Владыкой краткую историю раздора с неокружниками, съезд постановил по этому вопросу держаться постановления Освященного Собора 1927 г. Кроме того, епархиальному совету было поручено выработать подробный наказ для представителей епархии на предстоящем Освященном Соборе, «поставив в основу наказа призыв к миру и любви спорящих и препирающихся сторон». Далее участники съезда заслушали послание Совета при архиепископии о сборе добровольных пожертвований на нужды собора, доклад Кирпичева о лестовке (разновидность четок у старообрядцев), доклад Г. Г. Макарова о крестном знамени, доклад С. М. Поветкина о текстах моления за власть в тропарях, кондаках и т. д., а также заключительное слово епископа Геронтия³⁶.

Вскоре после окончания съезда, 15 мая, И. Г. Лакомкин переслал в административный отдел Ленгубисполкома список действительных членов епархиального съезда с правом решающего голоса, список вновь избранных членов епархиального совета Ленинградско-Тверской епархии, большинство из которых составляли священнослужители и прихожане Громовской общины, а также протокол заседаний съезда³⁷. Как и в 1926 г., этот протокол вызвал негативную реакцию органов власти. Хотя на епархиальном съезде 1928 г. было решено созвать следующий съезд в 1929 г. после Пасхи, он так и не состоялся.

С рубежа 1928–1929 гг. начали быстро нарастать массовые гонения на Церковь. Произошло существенное изменение всего курса политики по отношению к религиозным организациям в СССР. Период относительно спокойных контактов с ними сменился длительной полосой крайне воинственного, нетерпимого отношения к Церкви. Гонения коснулись и старообрядцев. В середине 1927 г. был закрыт храм поповцев-неокружников в Чубаровом переулке, в 1946 г. его здание передали под кожно-венерологический диспансер и полностью перестроили, уничтожив колокольню с куполом³⁸. Вторая поповская «неокружническая» церковь во флигеле бывшего дома Столичного строительного акционерного общества также была закрыта согласно постановлению президиума Ленсовета от 6 февраля 1929 г.³⁹ Правда ее община не сдавалась и обратилась с жалобой во ВЦИК. После неоднократных ходатайств Лиговской общине разрешили взять в свое пользование здание уже не действовавшей к тому времени деревянной единоверческой церкви Сретения

Господня на Волковом единоверческом кладбище. 20 мая 1929 г. президиум Ленсовета принял соответствующее решение, и вскоре эта церковь была вновь освящена старообрядцами во имя Покрова Пресвятой Богородицы⁴⁰.

Подобные процессы затронули и Громовскую общину. Еще 18 июня 1927 г. (после окончания второго учебного года) были закрыты Богословско-пастырские старообрядческие курсы при жилом доме на Старообрядческой улице, а их помещения переданы губернскому отделу коммунального хозяйства и использованы под жилье⁴¹. ОГПУ пыталось сфабриковать судебное дело на руководителей курсов под предлогом того, что на них в нарушение советских законов учились молодые люди, не достигшие 18-летнего возраста. В результате председатель президиума курсов о. Самуил Фомичев и секретарь президиума Г. Г. Лакомкин были допрошены, привлечены к судебной ответственности и во 2-й половине 1927 г. приговорены к 3 месяцам принудительных работ⁴². Члены Громовской общины (по поручению участников Освященного Собора 1927 г.) попытались бороться, и летом 1928 г. 5 мирян (М. Ф. Колосов, Т. П. Мальцев, Л. П. Кирпичев, А. П. Чунин, Ф. И. Пинаев) подали ходатайство об открытии новых курсов, но 3 августа отдел административного надзора НКВД РСФСР сообщил в Ленинградский областной административный отдел и инициатору обращения Т. П. Мальцеву о том, что НКВД отклонил ходатайство о разрешении открыть в Ленинграде «Богословские курсы христиан-старообрядцев»⁴³. На вторичное обращение инициативной группы во ВЦИК ответа не последовало.

Летом 1928 г. районный стол регистрации обществ и союзов потребовали от Громовской общины создания двух отдельных приходских советов («двадцаток») для каменной Покровской и деревянной Успенской (Покровской) церквей. В ответ председатель общины И. Г. Лакомкин 27 июня написал в стол регистрации Ленгубисполкома заявление с просьбой оставить в силе существующий договор, по которому одна «двадцатка» может пользоваться и каменной церковью, и деревянной молельней: «В ведение нашей “двадцатки” переданы церковь и часовня-молельня, в которой ставят покойников и отпевают, а также совершают и др[угие] требы. В последние годы, ввиду немногочисленности нашего прихода, она была приспособлена для богослужения в зимнее время. И церковь, и часовня находятся на окраине города на Громовском кладбище, одна от другой в 15–20 саж[енях]. Другая “двадцатка” может быть выделена только из нашей общины и будет работать только часть года — одна зимой, другая летом, т[ак] к[ак] богослужения совершаются в одной церкви зимой, а в другой — летом, и причт и приход один. Деление будет чисто условное, вновь образованная “двадцатка” — фиктивной. Считаю, что государство не несет никакого ущерба и не несло вот уже в течение 10 лет от того, что и церковь, и часовня-молельня находились в ведении единой “двадцатки” и что искусственное создание второй “двадцатки” внесет лишь путаницу и хаос в наше и без того небольшое церковное хозяйство, прошу Стол регистрации обществ и союзов Губисполкома пересмотреть постановление Стола регистрации обществ и союзов Московско-Нарвского райисполкома»⁴⁴.

На основании заявления И. Г. Лакомкина инспектор районного стола регистрации И. Н. Морозов 30 октября 1928 г. обследовал церкви и в тот же день обратился в административный отдел Леноблисполкома и Ленсовета с предложением не создавать на Громовском кладбище вторую «двадцатку», а закрыть деревянную Покровскую церковь. Это предложение попало «на благоприятную почву», и 3 ноября отделение административного надзора Леноблисполкома и Ленсовета предложило Морозову провести техническое обследование деревянной молельни на предмет выяснения ее дальнейшего функционирования⁴⁵.

Технический осмотр здания храма был проведен 15 ноября районной комиссией, которая в специальном акте указала: «Строение церкви деревянное, одноэтажное с каменной пристройкой, крытое железом. Отопление печное, водопровода не имеется. Техническое состояние строения весьма ветхое, деревянные рубленые стены сильно загнили, деревянные стойки, поддерживающие перекрытие среднего нефа, состоящее из деревянных кружальных арок, также сгнили и, кроме того, поражены грибом. Стены в некоторых местах выпучились... На основании вышеизложенного комиссия устанавливает наличие угрозы общественной безопасности, а потому доступ публики для молитвенных собраний должен быть со дня составления настоящего акта прекращен. Строение подлежит разборке». В результате уже в тот же день президиум Московско-Нарвского райсовета принял постановление (протокол № 46/87, пункт 19) о плохом состоянии деревянной Покровской церкви Громовской общины: «Ввиду угрожающего состояния церкви прекратить доступ граждан для молитвенных собраний. Просить Президиум Ленсовета разрешить указанную церковь снести»⁴⁶.

16 ноября стол регистрации райсовета сообщил в отделение административного надзора Леноблисполкома и Ленсовета о том, что Покровская церковь грозит общественной безопасности и подлежит немедленному закрытию и разборке. Пытаясь спасти храм, совет Громовской общины 23 ноября подал в президиум Московско-Нарвского райисполкома заявление с просьбой не закрывать деревянную Покровскую церковь до весны 1929 г. (чтобы успеть приспособить летний каменный храм «под зимний») и сохранить ее от сноса: «1) Означенная старообрядческая молельня — единственная в Ленинграде, вынесшая на себе гнет царствования четырех последних императоров, исторически дорога для ленинградских старообрядцев; 2) разрушения времени, по нашему глубокому убеждению, не столь опасны для молящихся, как о том сказано в указанном акте; 3) при принятии нами очередного срочного по Вашему указанию ремонта исчезнет всякая могущая быть опасностью для храма; 4) немедленное закрытие молельни лишает нас возможности удовлетворять наши религиозные нужды. Что противоречит основным законам Союза... Помимо сего Совет общины горячо протестует о сломке исторического для старообрядцев храма-молельни и считает, что меры к сохранению его в том или ином виде имеются»⁴⁷.

Обращение совета Громовской общины не помогло, и 6 декабря административный отдел обратился в президиум Ленсовета с предложением

деревянную Покровскую часовню-молельню закрыть и снести ввиду ее возможного обвала, а культовое имущество передать по договору группе верующих⁴⁸. В результате Малый президиум Ленсовета 11 декабря 1928 г. принял решение закрыть и снести часовню-молельню. 15 декабря 1928 г. было принято окончательное постановление президиума Ленсовета (протокол № 86, пункт 8) о закрытии часовни-молельни на Громовском кладбище: «Принимая во внимание, что здание часовни находится в угрожающем состоянии, а также учитывая, что на территории кладбища имеется другой храм, в коем верующие могут удовлетворять свои религиозные потребности, часовню-молельню на Громовском старообрядческом кладбище закрыть и снести, передав культовое имущество по договору группе верующих»⁴⁹.

17 декабря последовало указание отделения административного надзора инспектору по делам культа райсовета о необходимости исполнения постановления Ленсовета от 15 декабря 1928 г. о закрытии и сносе молельни и возможности верующих обжаловать это постановление во ВЦИК в 7-дневный срок⁵⁰. Члены Громовской общины тут же использовали эту возможность и написали жалобу во ВЦИК. 23 января 1929 г. секретариат председателя ВЦИК М. И. Калинина по его личному поручению обратился в президиум Леноблисполкома с просьбой выслать постановление и доклад по делу о закрытии молельни на Громовском кладбище в связи с обжалованием со стороны старообрядцев. В ответном отношении президиума Ленсовета от 5 февраля содержалась просьба к президиуму ВЦИК санкционировать решение о закрытии часовни-молельни ввиду ее угрожающего состояния и оставить без последствий жалобу старообрядцев⁵¹.

Вопрос решался в Москве около 2 месяцев. 28 марта секретариат председателя ВЦИК известил президиум Леноблисполкома о том, что президиум ВЦИК оставил просьбу верующих относительно закрытия часовни-молельни без удовлетворения. 2 апреля 1929 г. эта информация была сообщена административному отделу, и вскоре стоявшая закрытой с 15 ноября 1928 г. деревянная Покровская церковь была снесена⁵².

В это же время существенно выросли налоги за использование культовых зданий, в связи с чем в справке органов административного надзора Ленсовета от 1 октября 1929 г. говорилось о неуплате «двадцаткой» церкви Громовского старообрядческого кладбища ренты в размере 306 рублей. Председателем совета Громовской общины в конце 1929 — начале 1930 г. вместо И. Г. Лакочкина, который стал больше внимания уделять научной деятельности (в качестве секретаря Русского физико-химического общества, преподавателя Ленинградского государственного университета и сотрудника научно-исследовательского института), был избран А. С. Поляков⁵³.

24 февраля 1930 г., после истечения срока договора Похоронного отделения с общиной старообрядцев, Громовское кладбище (в соответствие с постановлением секретариата Московско-Нарвского райсовета от 9 ноября 1929 г.) было принято в ведение районного коммунального отдела. Тогда Громовская община 26 февраля подала в секретариат райсовета ходатайство о прекращении захоронений на кладбище умерших всех других исповеданий,

в чем 2 марта им было отказано. В начале марта община подала в президиум Московско-Нарвского райсовета вторичное ходатайство с просьбой оставить для старообрядцев хотя бы часть кладбища, эту просьбу президиум райсовета постановлением от 14 марта удовлетворил. 3 апреля особая комиссия отвела для захоронения старообрядцев определенный участок, однако 15 апреля Громовская община подала в Ленинградский совет новое заявление, вновь претендуя на все кладбище. В этой связи заведующий подотделом благоустройства С. Быстриевский 26 мая написал в областной административный отдел о необходимости отказать старообрядцам в просьбе⁵⁴.

Руководство административного отдела поддержало Быстриевского и 28 мая направило в президиум Ленсовета отношение по вопросу отвода места захоронения старообрядцев на Громовском кладбище с указанием, что кладбище необходимо предоставить для общего захоронения, а в просьбе старообрядцев отказать. Начальник отделения административного надзора Сеймушков в свою очередь осмотрел Громовское кладбище и 14 июня написал в президиум Ленсовета о необходимости проведения общих захоронений, отметив: «Со слов служителей культа видно, что старообрядцы обеспокоены не тем, что им впоследствии негде будет производить захоронение, а тем, что верующие не желают, чтобы захоронение производилось на их кладбище покойников других наций, ссылаясь на то, что русские люди на кладбище приходят с выпивкой на поминки и этим самым будут наносить оскорбление старообрядцам»⁵⁵. В результате в ходатайстве Громовской общины было отказано, и на кладбище начались общие захоронения.

К началу 30-х гг. XX в. были закрыты все старообрядческие монастыри в СССР, прекратили свое существование иконописные мастерские и благотворительные заведения. Почти полностью была запрещена и издательская деятельность старообрядцев (кроме выпуска ежегодного церковного календаря). Развернулась массовая кампания закрытия и сноса старообрядческих храмов, при этом проводилась тотальная конфискация икон, утвари, колоколов, облачений и книг, было уничтожено значительное количество библиотек и архивов⁵⁶.

В данных условиях 9 января 1930 г. председатель и секретарь Ленинградского старообрядческого братства имени протопопа Аввакума подали в районный стол регистрации обществ и союзов заявление с просьбой считать братство ликвидированным, прекратившим свою деятельность с 31 декабря 1929 г. ввиду «распада членского состава» и невозможности собрать общее собрание членов. Через 2 дня инспектор районного стола регистрации И. Н. Морозов обратился в административный отдел Леноблисполкома с просьбой снять с регистрации старообрядческое братство протопопа Аввакума согласно их заявлению от 9 января, сообщив, что печать и устав общества он уже принял. Таким образом, братство перестало существовать официально⁵⁷.

Всего за легальный период 1923–1929 гг. состоялось 367 собраний, не считая различных совещаний, собраний кружков, чтений и заседаний актива (регулярно устраивались также концерты, молодежные вечеринки, катания

на лодках, загородные поездки и т. п.). На одном из последних общих собраний, 28 марта 1929 г., в присутствии 56 членов братства Кирпичев, недавно демобилизованный из советской армии, сделал доклад о неблагоприятном положении в ней. Последними легальными председателями совета братства были: в 1926–1927 гг. Е. Ф. Николаев, в 1927–1928 гг. А. И. Коновалов и с конца 1928 г. по декабрь 1929 г. Л. П. Кирпичев⁵⁸.

В конце 1929 г. выяснилось, что для официальной перерегистрации братства необходимо представить сведения о 50 постоянных членах, что оказалось довольно сложно. Кроме того, руководители братства решили, что следует сократить его состав за счет малоактивных членов и в дальнейшем перейти на новые, в основном нелегальные формы работы с целью борьбы с наступавшими безбожием, материалистическим мировоззрением и с целью укрепления позиций Церкви (при этом занятия в кружках, учеба и организация культурного досуга братчиков оставались). Всей этой деятельностью в последние 2 с лишним года существования братства руководила «четверка»: Г. Г. Лакомкин, Л. П. Кирпичев и 2 относительно новых члена организации — И. А. Казаков и Ф. У. Панаев. Оба они приехали в Ленинград из провинции в 1925 г. для поступления на Богословско-пастырские курсы и после окончания учебы остались в северной столице, активно включившись в работу братства с 1926 г. Между членами «четверки» существовало распределение обязанностей: руководство апологетическим и молодежным кружками, привлечение в братство новых людей, печатание и распространение литературы, борьба с Союзом воинствующих безбожников, установление и поддержание связей со старообрядцами в других городах, хранение общего фонда нелегальной литературы и архива организации⁵⁹.

Кроме того, ядро братства в 1930–1932 гг. составляли еще 15–17 человек не старше 26 лет. Все руководители в целях конспирации имели псевдонимы (Г. Г. Лакомкин — Волжский, Ф. У. Панаев — Вяткин, И. М. Казаков — Донской и т. д.) и переписывались, используя лимонную кислоту. Архив организации до осени 1931 г. хранил у себя на квартире Л. П. Кирпичев, а затем — А. Строганов. Книжным фондом заведовал приехавший в Ленинград в 1929 г. и поступивший в Химико-технологический институт родственник арестованного священника В. П. Попов. Он же хранил и пополнял специальную картотеку из 10 тыс. карточек-аннотаций с выписками из трудов церковных авторов и зарубежных ученых с целью борьбы с антирелигиозной пропагандой⁶⁰. Нелегальные собрания членов братства проходили в основном на квартирах или в зданиях Громовского кладбища, а летом — в лесу, за городом. При этом численный состав организации постоянно пополнялся. Так, из 67 арестованных по делу братства в 1932 г. старообрядцев 12 присоединились к организации в 1931 — начале 1932 г. и состояли в молодежном кружке. На последнем этапе существования братства сохранялись членские взносы — работающие перечисляли в общий фонд 1% своей зарплаты⁶¹.

В это время некоторые члены Громовской общины и братства протопопа Аввакума активизировали свою переписку с проживавшими за границей, прежде всего в Румынии, старообрядцами. Еще в 1926 г. нелегально пересек

советско-румынскую границу протодиакон Громовской общины Онисим Панкратьевич Цветков. Он поселился в Кишиневе (Бессарабия в то время входила в состав Румынии) и начал переписку под псевдонимом Казаков с епископом Геронтием и священником Самуилом Фомичевым. Кроме того, эти священнослужители переписывались с еще раньше уехавшим в Румынию епископом Иннокентием (Усовым). В 1928 г. Владыка Иннокентий и о. Онисим Цветков отправили епископу Геронтию письма с просьбой сообщать сведения о положении Церкви в Советском Союзе для передачи в Белокриницкую митрополию, обещая денежную помощь. Однако Владыка Геронтий, посоветовавшись с руководителями братства протопопа Аввакума, ответил отказом и сжег эти письма⁶².

Впрочем, в дальнейшем переписка продолжилась. Епископ Иннокентий прислал в Ленинград книгу «Служба старообрядческих мучеников». В начале 1931 г. диакон старообрядческой Одесской общины о. Григорий сообщил епископу Геронтию, что неоднократно упоминавшийся начетчик Ф. Е. Мельников вместе с одесским священником Степаном Кравцовым успешно тайно перешли советско-румынскую границу. Вскоре и сам Мельников отправил из Румынии несколько писем Владыке, последнее из которых пришло в Ленинград в декабре 1931 г. В это время епископ получил от Мельникова (ставшего секретарем Белокриницкой митрополии) составленный им «Пролог жития протопопа Аввакума», который Владыка Геронтий после молебна зачитал в церкви свт. Николая на улице Каляева 14 декабря 1931 г., в день памяти св. протопопа Аввакума (день сожжения святого на костре)⁶³.

В 1929 г. уехала в Югославию член братства протопопа Аввакума А. В. Сироткина, дочь проживавшего во Франции известного старообрядческого деятеля эмигранта В. Сироткина, который с 1920 г. переписывался с о. Самуилом Фомичевым. В дальнейшем Сироткина также вела переписку с некоторыми членами братства. Все эти факты были позднее использованы ОГПУ для обвинения руководителей братства протопопа Аввакума в шпионской деятельности, при этом без всяких оснований утверждалось, что именно братство специально направило о. Онисима Цветкова и Сироткину за границу⁶⁴.

Тяжелым ударом для членов братства стало закрытие церкви Воскресения Христова на углу Воронежской улице и Сайкина переулка, где на братских беседах нередко выступал епископ Геронтий с докладами «Разбор Евангелия», «Поучение о жизни святых апостолов» и др. Воскресенская церковь было закрыта согласно постановлению президиума Ленсовета и Леноблисполкома от 10 марта 1931 г. в октябре этого же года. Ее здание сначала передали под «культурные нужды» фабрики «Большевичка» (в 1934 г. там находились красный уголок и клуб фабрики), а позднее снесли⁶⁵. Настоятель Воскресенской церкви протоиерей Самуил Иванович Артемьев стал совершать требы в Покровской церкви Громовского кладбища и Никольской церкви на улице Каляева, хотя и не был официально зарегистрирован при них⁶⁶.

В конце 1931 г. состоялось отчетно-перевыборное собрание «двадцатки» Покровской церкви Громовского кладбища, председателем которого был Е. Ф. Николаев. На этом собрании переизбрали состав приходского совета,

но наибольшее впечатление на собравшихся произвела яркая речь епископа Геронтия, призвавшего жертвовать деньги на ремонт храма и уплату очень больших налогов. Владыка заявил, «что сейчас нас душат налогами», и если их не уплатить вовремя, то власти могут закрыть храм⁶⁷. К счастью тогда средства для уплаты налогов и проведения требуемого ремонта удалось собрать.

Разгоравшиеся антирелигиозные репрессии способствовали активизации нелегальной деятельности братства. В конце 20-х — начале 30-х гг. XX в. его члены (Кирпичев, Панаев, Казаков и Попов) написали и нелегально выпустили ряд брошюр: «Религия и пролетариат», «Критика решений XVI съезда ВКП(б)», «Генеральная линия», «О взаимоотношениях между Церковью и социализмом» и др. В последней из указанных брошюр говорилось: «Коммунизм, объявляя коллективизацию, требует отречения от личной воли во имя свободы, он отнимает нашу волю, но свободу не дает, он влечет нас к двойному рабству, рабству плоти, страстям и рабству беспрекословного подчинения неизвестному... Коммунисты хотят уничтожить религию, но тщетны их усилия, потому что кто упадет на этот камень, разобьется.. И, разбиваясь сами, они в злобе хотят уничтожить нас. Безумные, они могут стереть с лица земли единицы, десятки, сотни, но нас — миллиарды. Мы неуничтожимы, мы — народ»⁶⁸.

После ареста в 1930 г. настоятеля Покровской церкви Ржева протоиерея Андрея Попова, он прислал из Ржевской тюрьмы епископу Геронтию стихотворение «Мой арест», которое переложили на ноты и пели на нелегальных собраниях членов братства. Кроме того, были созданы и исполнялись на собраниях хоровые песни «Слава борцам, погибшим за веру Христову» и «Христианский Интернационал». В 1930 г. руководители братства начали писать листовки, которые распространялись среди верующих в храмах, на заводах и в деревнях. Первая из них — «Гнев пришел» — была написана в конце 1930 г. С целью распространения литературы братства по поручению епископа Геронтия в деревню ездили прислуживавшие в церкви Громовского кладбища монахини Агния (Шелгунова) и Еликонида (Лебедева). И. А. Казаков пересылал религиозные брошюры студентам в вузы, ездил агитировать в Тулу и т. д.⁶⁹

Листовки и брошюры размножались на квартирах, в зданиях Громовского кладбища и даже в государственных учреждениях. Так, в частности, работавшая машинисткой в портовой таможне дочь председателя «двадцатки» старообрядческой Никольской церкви на улице Каляева В. В. Королькова Анна Васильевна по поручению епископа Геронтия печатала листовки братства у себя на работе. Позднее, при разгроме братства, агенты ОГПУ нашли и конфисковали 2 типографских прессы, 1 ротатор, 3 пишущих машинки и большие запасы бумаги⁷⁰.

К 10-летней годовщине создания организации Л. П. Кирпичев написал листовку «19 марта 1922 — 19 марта 1932», в котором говорилось: «Прошло десять лет, десять лет жизни в тяжелых подпольных условиях, заставляющих всегда озираться и быть осторожными. Немного осталось на своем посту из начавших это дело. Но дело не гибнет. На место уходивших новые и новые

со свежими силами вступают в бой с готовящими путь Антихристу. Множество наших братьев и отцов страдают сейчас в тюрьмах и ссылках. За это время "Братство" воспитало в своей среде верных староверов, способных стоять и бороться за правую веру. Наш путь еще только начался, накопился теперь опыт работы. Многие тысячи людей, не знающих нас, призывают на нас Божие благословение и помогают нам. Пусть не устрашат грядущие тюрьмы и ссылки, будем верить, что на место каждого вырванного из нашей среды станут двое новых борцов»⁷¹.

19 марта на квартире у Козыревых состоялось юбилейное нелегальное собрание членов братства, на котором присутствовали 20 человек. Выступивший на этом собрании с докладом Кирпичев говорил о необходимости активизировать работу организации, не страшась арестов, ссылок и т. п. Листовку, посвященную 10-летней годовщине создания братства, размножили в 30 экземплярах и раздали при выходе после всенощной прихожанам Покровской церкви Громовского кладбища⁷².

Руководители братства (в основном Кирпичев) также написали к 1 мая листовку «Социальный взгляд на Пасху», которую предполагалось распространять среди верующих: «Граждане! Приближается день 1-го мая, который совпадает в этом году с христианским праздником Воскресения Христова (Пасхой). Враги и душители веры Христовой в этом году, как никогда, сосредотачивают свою вражескую силу против Великого Христианского праздника... В день Светлого Христова Воскресения Вам, преданным христианам, всем без исключения надлежит быть в святом храме и сотворить радостную молитву к Богу, прося его избавить веру Христову от грубого насилия Советских властей». Под листовкой стояла подпись — «Ревнители веры Христовой». Размножить и распространить эту листовку не успели, хотя некоторые члены братства все-таки прочитали ее⁷³. К Пасхальной заутрене, в ночь на 1 мая, руководители братства хотели устроить большой фейерверк во время торжественного крестного хода.

8–9 апреля 1932 г. на квартире Г. Г. Лакомкина состоялось последнее нелегальное собрание руководителей братства с участием епископа Геронтия. На нем было решено созвать 17 апреля совещание наиболее активных прихожан и членов причта Покровской церкви (примерно 15 человек), на котором планировалось обсудить действия в случае закрытия последних ленинградских старообрядческих храмов Белокриницкого согласия к Пасхе (такая угроза была вполне реальной). 10 апреля Лакомкин передал протоиерею Василию Космачеву и священнику Самуилу Фомичеву письменные приглашения на намеченное совещание⁷⁴.

В данной связи руководители братства подготовили протестное письмо во ВЦИК, под которым планировали собрать подписи среди членов Громовской общины. В этом чрезвычайно смелом обращении отмечалось: «В силу грубого нарушения конституции, дающей равное право верующим и неверующим, мы, нижеподписавшиеся, протестуем против действий правительства и некоторых организаций, пользующихся его покровительством, и требуем: 1. Не закрывать церкви; 2. Не налагать грабительских налогов на церкви

и духовенство. 3. Дать право проживать служителям культа в их квартирах и на общих основаниях. 4. Отменить антирелигиозную пропаганду в школе. 5. Категорически запретить безобразные сборища у храмов в дни церковных праздников. 6. Разрешить религиозные издания на равных правах с антирелигиозными и другими изданиями»⁷⁵.

Таким образом, к моменту своего разгрома братство имени протопопа Аввакума, несмотря на нелегальное положение, находилось на подъеме. Однако его активная деятельность была остановлена советскими карательными органами, использовавшими запланированное на 17 апреля совещание и возможное распространение листовки к 1 мая в качестве предлога для давно намеченной крупномасштабной репрессивной операции. В трагическую ночь с 13 на 14 апреля 1932 г. (после службы «Марьино стояние») агенты ОГПУ нанесли страшный удар по старообрядцам северной столицы, подвергнув репрессиям более 160 человек: все духовенство епархиального центра Белокрыницкого согласия в Ленинграде, в том числе епископа Геронтия, большинство певчих, постоянных прихожан Покровского и других храмов, а также почти всех членов братства имени протопопа Аввакума, включая подростков. В эту ночь началось следствие по делу «Всероссийского союза старообрядческих братств» (уже давно не существовавшего) и «Ленинградского братства имени протопопа Аввакума», по которому прошли в качестве обвиняемых 67 человек (46 из них были арестованы в ночь с 13 на 14 апреля, 3 человека — 17–18 апреля, 5 человек — 31 мая и с 13 взяли подписку о невыезде)⁷⁶.

Епископ Геронтий был арестован в своей квартире на Громовском кладбище вместе с проживавшим там же членом «двадцатки» Покровской церкви Ф. А. Дружининым (агенты ОГПУ придавали большое значение тому, что Дружинин ранее служил в армии генерала Юденича). При аресте у Владыки были конфискованы его переписка с приходами епархии, другими архиереями, а также некоторые брошюры и воззвания братства протопопа Аввакума. Всего состоялось 2 допроса епископа — 8 мая и 9 июля 1932 г., на которых следователи смогли добиться очень немногого. Владыка Геронтий мужественно заявил: «Советской власти подчиняюсь, но с церковной ее политикой я не согласен и не одобряю». Кроме того, он показал, что «мысль объединить все братства СССР в один всероссийский центр» фактически не была «приведена в исполнение», а братство протопопа Аввакума распалось в 1929 г., добавив: «О нелегальной контрреволюционной деятельности “братства” в дальнейшем мне ничего не известно». Владыка также подтвердил факт своей переписки с проживавшими в Румынии епископом Иннокентием (Усовым) и протодиаконом Онисимом Цветковым, о которой и так было известно следователю⁷⁷.

Помимо епископа Геронтия были арестованы все остальные священнослужители — поповцы Белокрыницкого согласия в Ленинграде: протоиерей Василий Космачев, священники Самуил Фомичев, Василий Евсиков, Самуил Артемьев и протодиакон Харлампий Марков. Особенно мужественно вел себя на допросах, несмотря на 70-летний возраст, настоятель Покровского храма

о. Василий Космачев. Он заявил следователю, что отрицательно относится к политике властей, направленной против религии, и признает необходимость борьбы с безбожием, но давать какие-либо показания о деятельности братства протопопа Аввакума фактически отказался⁷⁸. Настоятель Покровской церкви поповцев-неокружников на Волковом кладбище о. Василий Евсиков показал, что он не входил в братство, хотя епископ Геронтий убеждал его это сделать. Однако факта обнаружения у о. Василия при обыске печатного материала Громовской общины оказалось достаточно для его последующего осуждения⁷⁹.

Сын епископа Геронтия Г. Г. Лакомкин был арестован в своей квартире на Громовском кладбище. При обыске у него нашли и конфисковали не только документы братства протопопа Аввакума, но и церковные рукописи XVI в. (всего агенты ОГПУ во время обысков обнаружили 65 различных нелегальных литературных произведений братства). На первом допросе 8 мая 1932 г. Лакомкин показал, что он «против антирелигиозной политики советской власти», и в дальнейшем довольно подробно рассказал о деятельности братства⁸⁰. Не меньшее значение органы ОГПУ придавали аресту племянника епископа, хотя он руководящей должности в братстве протопопа Аввакума никогда не занимал. В следственном деле сохранилась записка начальства руководителю карательной операции: «Т. Баруздин. Лакомкин Иван Георгиевич — преподаватель ЛГУ должен быть арестован обязательно». В записке указывались 3 возможных адреса проживания И. Г. Лакомкина (якобы «члена контрреволюционной монархической организации»), по одному из которых он и был схвачен. Однако нужных показаний следователям от Ивана Георгиевича добиться не удалось. Он лишь сообщил, что регулярно посещал собрания братства по вторникам и четвергам, иногда делал на них доклады и руководил братским кружком пения⁸¹.

В ночь с 13 на 14 апреля 1932 г. были арестованы еще 2 родственника Лакомкиных — зять епископа Донского Геннадия (Лакомкина) Иван Геннадиевич Усов и его дочь Зоя Ивановна. В 1927–1930 гг. И. Г. Усов был секретарем епархиального совета Донской епархии, однако в 1930 г. органы ОГПУ арестовали епископа Геннадия и его дочь — Марию Георгиевну (жену И. Г. Усова). В том же году Иван Геннадиевич с дочерью переехал в Ленинград и стал членом Громовской общины⁸². Следует упомянуть также арест двух прислуживавших в Покровском храме Громовского кладбища монахинь — Агнии (Шелгуновой) и Еликоницы (Лебедевой), председателя «двадцатки» старообрядческой Никольской церкви на улице Каляева В. В. Королькова и его дочери. Пытаясь спасти дочь, Корольков взял всю «вину» на себя, сказав, что она печатала листовки братства исключительно из чувства послушания отцу, и попросил наказать лишь его⁸³.

К концу лета следствие по делу братства протопопа Аввакума закончилось, и 8 сентября было принято решение об освобождении из-под ареста 11 человек, так как их принадлежность к братству не подтвердилась (правда, в дальнейшем их вновь подвергли репрессиям). 14 сентября выездная сессия Коллегии ОГПУ приняла постановление по этому делу: 1. Просить Коллегию

ОГПУ рассмотреть дело вне очереди; 2. Волковское кладбище ликвидировать; 3. Приступить к изъятию имущества, подлежащего конфискации⁸⁴. В обвинительном заключении следственного дела № 750 о контрреволюционных церковно-политических организациях «Всероссийский союз старообрядческих братств» и «Ленинградское братство имени протопопа Аввакума», составленном в конце августа и утвержденном 10 ноября 1932 г., говорилось: «Формула обвинения. В апреле 1932 г. СПО ПП ОГПУ в ЛВО ликвидированы существовавшие в Ленинграде контрреволюционные церковно-политические (старообрядческие) организации под названием “Всероссийский Союз старообрядческих братств” и “Ленинградское братство имени протопопа Аввакума”».

Эти контрреволюционные организации представляли собой нелегальные объединения старообрядцев г. Ленинграда, главным образом старообрядческой молодежи. Руководящие круги “ВССБ” и “БПА”, являвшиеся бывшими крупными собственниками, кулаками, торговцами и служителями культа, ставили себе целью нелегальную контрреволюционную деятельность, борьбу за классовые интересы ликвидируемых строительством социализма капиталистических элементов города и деревни; борьбу за свержение диктатуры пролетариата и капиталистическую реставрацию. Одной из частных задач “ВССБ” и “БПА” являлась борьба за политико-экономические интересы старообрядческой церкви как органа эксплуатации религиозных предрассудков трудящихся, борьба против политики ВКП(б) и советской власти в религиозном вопросе. Используя суеверия, обособленность и политическую малограмотность массы верующих старообрядцев, руководители “ВССБ” и “БПА” поставили своей задачей организовать их под лозунгом защиты православия и старообрядческой церкви для контрреволюционной борьбы с советской властью.

“Братство имени протопопа Аввакума” имело свою разработанную программу деятельности, строгую структуру построения организации, установленные методы конспирации — клички, шифры, систему членских взносов и организованную “технику” массового изготовления (печатания) контрреволюционных и антисоветских брошюр и листовок. Практически контрреволюционная деятельность организации “Братство имени протопопа Аввакума” заключалась: 1. В широкой вербовке в организацию всей сочувствующей и тяготеющей к религии антисоветски настроенной молодежи города и деревни и антисоветской обработки ее в специальных кружках организации, с целью создания мощной антисоветской организации в противовес организациям Коммунистической партии и комсомолу. 2. В создании контрреволюционного центра, объединяющего аналогичные старообрядческие братства в Союзе ССР под названием “Всероссийский Союз старообрядческих братств” и систематическом участии в руководстве филиалами данной контрреволюционной организации на периферии СССР. 3. В активной религиозной и антисоветской пропаганде среди верующей части населения и активных антисоветских выступлениях в рабочих клубах г. Ленинграда с целью срыва антирелигиозной работы в них. 4. В массовом нелегальном выпуске

печатных контрреволюционных произведений и листовок и распространении их среди верующих. 5. В установлении организационной связи с белоэмигрантскими старообрядческими организациями в Кишиневе (Румыния) и Париже. 6. В развернутой антиколхозной и антисоветской агитации и пропаганде среди крестьянства с целью срыва колхозного строительства. 7. В подготовке контрреволюционной демонстрации в день 1-го мая и контрреволюционного выступления верующих масс против Советской власти.

Оперативная ликвидация контрреволюционных организаций “ВССБ” и “БПА” произведена в момент наибольшей активизации и развертывания их организационной и практической контрреволюционной деятельности; ликвидацией этих организаций было предотвращено выступление в день 1-го мая и пресечены попытки массового распространения контрреволюционных листовок, заготовленных организациями с целью срыва Первомайских торжеств. По делу в качестве обвиняемых привлекаются 67 человек — членов организации. Всем обвиняемым предъявлено обвинение в преступлении, предусмотренном ст[атьей] 58 п[унктом] 10 УК.

Социально-политическая характеристика личного состава организации. “Всероссийский Союз старообрядческих братств” и “Ленинградское братство протопопа Аввакума” состояли из социально-враждебных диктатуре пролетариата элементов: бывших собственников, купцов, кулаков, служителей культа и выходцев из их семей. Основными социально-политическими факторами, проявившими непосредственное активное участие обвиняемых в контрреволюционной деятельности, было: 1) Личная ущемленность обвиняемых в результате Октябрьской революции и режима пролетарской диктатуры (конфискация собственности в период Октябрьской революции, налоговое ущемление, раскулачивание, репрессирование за к[онтр]р[еволюционную] политическую деятельность) или родственная связь с ущемленными и репрессированными Сов[етской] властью элементами. 2) Принадлежность обвиняемых к служителям культа и активу старообрядческой церкви — религиозно-политической организации, находящейся в руках и отстаивающей классовые интересы капиталистических элементов города (б[ывшее] купечество) и деревни (кулачество). 3) Имущественные и политические интересы, идеологическая враждебность диктатуре пролетариата обвиняемых. Особенностью “БПА” являлось наличие в составе значительного процента молодежи — учащихся, научно-технических работников, сов[етских] служащих — выходцев из старообрядческих кулацких и купеческих семейств, и в силу соответствующего воспитания и социальной враждебности сов[етскому] строю принявших участие в к[онтр]р[еволюционной] работе»⁸⁵.

После 9-месячного содержания арестованных в тюрьмах Ленинграда Особое совещание Коллегии ОГПУ 22 ноября 1932 г. вынесло приговор 11 главным обвиняемым: епископ Геронтий, о. Самуил Фомичев, Г. Г. Лакомкин, Л. П. Кирпичев, Ф. У. Панаев, И. А. Казаков, Ф. А. Дружинин были приговорены к 10 годам заключения в концлагерь, а И. Г. Лакомкин, В. П. Попов, Е. П. Кирпичев и П. С. Макаров — к 5 годам заключения в концлагере. Через неделю, 28 ноября, Особое совещание Коллегии ОГПУ вынесло приговор

остальным 56 обвиняемым: 20 человек приговорили к 3 годам заключения в концлагере, 12 — к ссылке на 3 года в Северный край, 6 — к ссылке на 3 года в Казахстан, 5 — к ссылке на 3 года в Среднюю Азию, 7 — к лишению права проживания в 12 крупнейших городах СССР на 3 года с прикреплением к определенному месту жительства (что означало высылку из Ленинграда) и 6 человек — к ссылке на 3 года в Северный край условно. Уже в декабре 20 осужденных отправили отбывать срок в Свирлаг ОГПУ (Свирские лагеря, расположенные на реке Свирь в Ленинградской области), 11 человек выслали этапом в Архангельск и 5 — в Ташкент⁸⁶.

В то же время, в декабре 1932 г., был вынесен приговор Особого совещания Коллегии ОГПУ по другому, самостоятельному следственному делу Громовской общины. В результате некоторые уже осужденные старообрядцы получили новые, значительно большие сроки заключения: протоиерей Василий Космачев и протодиакон Харлампий Марков вместо 3 лет ссылки в Среднюю Азию — по 10 лет заключения в концлагере, а И. Г. Лакомкин вместо 5 лет заключения в концлагере — 10 лет. 11–13 января 1933 г. их отправили в город Соликамск Пермской области (Вишлаг ОГПУ)⁸⁷. 60-летнего епископа Геронтия этапом направили отбывать 10-летний срок лагерей в республику Коми. Тяжелая работа, необустроенные бараки, сильный холод, соседство с уголовниками, жестокая администрация, голод стали для него тяжелым испытанием. От недоедания у Владыки Геронтия началась и несколько раз сильно обострялась цинга, распухали ноги. Несмотря на это, за все 10 лет, проведенных им в лагерях, он ни разу не поел мяса и не нарушил установленных церковным уставом постных дней. Во время заключения епископ сменил много должностей: работал санитаром, был дневальным и старостой в бараке, долгое время занимался изготовлением хвойного кваса, разработав для этого свою уникальную авторскую технологию. Его твердая вера, терпение, принципиальность и трудолюбие (несмотря на преклонный возраст и слабое здоровье), оптимизм и неиссякаемая любовь к окружающим снискали ему уважение со стороны соузников и в глазах начальства. И в условиях ГУЛАГа архипастырь не прекращал свою апостольскую миссию. Все годы, проведенные в лагерях, он умудрялся тайно сохранять Святые Дары, причащался сам, напутствовал других. Владыка старался не упустить любую возможность обратиться к Христу кого-либо из заключенных, а иногда даже представителей лагерной администрации⁸⁸.

Разгром 1932 г. оказался не последней подобной акцией, аресты продолжались и позднее, часть старообрядцев охватил страх: многие оставшиеся на свободе боялись приходить в церковь, чтобы их не увидели и не арестовали. В этих условиях власти могли без особых препятствий проводить запланированные акции по закрытию всех действующих храмов. 10 июня 1932 г. Леноблисполком принял решение о закрытии старообрядческой церкви свт. Николая Чудотворца на улице Каляева (Захарьевской), здание которой было передано под лаборатории и чертежные залы Ленинградского института инженерного строительства (в дальнейшем этот храм был снесен, и на его месте выстроили здание Военно-инженерного института имени Комаровского)⁸⁹.

Таким образом была ликвидирована Никольская община, и в северной столице осталась только одна община старообрядцев-окружников Белокриницкого согласия — Громовская, но она в результате репрессий не имела своего постоянного, официально зарегистрированного священника.

7 февраля 1933 г. совет Громовской общины обратился в сектор административного надзора Ленсовета с просьбой разрешить ее будущему священнику поселиться на территории кладбища в комнате общежития, которую ранее занимал арестованный 13–14 апреля 1932 г. и высланный 13 января 1933 г. священник Василий Космачев⁹⁰. Однако новый постоянный священник так и не поселился при Покровской церкви, у советских властей появились планы: используя разгром братства протопопа Аввакума, полностью закрыть этот храм. Последние богослужения в Покровской церкви состоялись на Пасху, 16–18 апреля 1933 г.⁹¹ Но еще перед ними, 15 апреля, Малый президиум Нарвского райсовета принял постановление (протокол № 18, пункт 6) о закрытии старообрядческой церкви Громовского кладбища: «Ввиду того что Громовская церковь располагается на Старообрядческом кладбище, за чертой города у утилизационного завода, где нет жилых домов, и находится без присмотра и охраны, со стороны 20-ки нет никакого руководства и ответственности за переданное в ее пользование церковное имущество, и из-за невыполнения «двадцаткой» церкви технико-санитарно-пожарных требований, согласно акта от 25.09.32 г., здание церкви приходит в совершенную негодность, просить Президиум Ленинградского Совета договор с двадцаткой расторгнуть, церковь закрыть и разрешить использовать ее на строительные материалы. Религиозные потребности верующих могут быть удовлетворены другими церквями района и города»⁹².

Хотя по закону окончательное решение о закрытии храма должны были принять городские или областные власти, Покровская церковь была опечатана уже 21 апреля 1933 г. Из сохранившегося в архиве акта опечатывания видно, что эта акция была проведена представителями районных властей без всякого участия членов совета Громовской общины⁹³. 28 апреля инспектор по делам культов Нарвского райсовета Н. Филиппова, пересылая в Комиссию по вопросам культов Ленсовета выписку из постановления президиума райсовета о закрытии старообрядческой церкви Громовского кладбища, указала, что райсовет обязуется за 3 месяца разобрать здание церкви, и весь полученный от разборки строительный материал «будет употреблен на дома... в районе»⁹⁴.

В мае Комиссия по вопросам культов Ленсовета составила проект решения о ликвидации церкви Громовского кладбища, и только 7 июня президиум Леноблисполкома принял постановление (протокол № 117, пункт 43) о ликвидации каменной церкви на Громовском кладбище: «Исходя из того что расположенная на Старообрядческом кладбище Громовская церковь приходит в совершенную негодность, со стороны 20-ки не принимается никаких мер к ее поддержанию и изложенное в акте от 25 октября 1932 г. требование технически-санитарно-пожарного характера ею не выполнены,— церковь разобрать и материал использовать на цели строительства»⁹⁵.

Каменный Покровский храм был уничтожен, по всей вероятности, во 2-й половине 1933 г., так как в списке закрытых в 1931–1933 гг. церковей Нарвского района от 15 апреля 1934 г. следующим образом говорилось о сносе церкви Громовского кладбища: «Разобрана на строительный материал в 1933 г., убирают остатки мелкого щебня»⁹⁶. Существовавшее с 20-х гг. XX в. общество охраны «Старый Петербург» не спасло Покровский храм от закрытия и сноса, остатки его фундамента в настоящее время находятся на отчужденной от Громовского кладбища территории, занятой различными производственными службами. Часть икон Покровского храма передали в Государственный Русский музей, в том числе уникальную подписную икону «Преподобная Мария Египетская с житием в 16 клеймах» и икону «Страшный суд»⁹⁷. Вскоре после уничтожения Покровского храма были снесены и все епархиальные здания. Избежала разрушения только каменная арка парадных ворот со стороны бывшей Старообрядческой (ныне Ташкентской) улицы. Оставшиеся без своей церкви старообрядцы-окружники Белокриницкого согласия продолжали собираться на Громовском кладбище и даже с 1934 г. нелегально использовали в качестве временной церкви построенную в конце XIX в. большую кладбищенскую часовню над могилами купцов Смирновых, расположенную южнее снесенного каменного Покровского храма (погребенный в ней Я. Я. Смирнов был членом совета Громовской общины, участником епархиальных съездов и членом комиссии по выработке устава благотворительного общества Петроградско-Тверской епархии).

Память о Громовском кладбище, былое величие и непререкаемый авторитет его общины помогли старообрядцам-поповцам северной столицы пережить последующие 50 лет советской власти без храма. В середине 30-х гг. XX в. одним из первых осужденных по делу братства протопопа Аввакума в Ленинградскую область возвратился из заключения бывший настоятель Покровского храма протоиерей Василий Космачев, освобожденный досрочно ввиду престарелого возраста и тяжелой болезни. Ссылаясь на новую «сталинскую» конституцию 1937 г., о. Василий почти до самого начала Великой Отечественной войны пытался получить разрешение властей на открытие новой общины на Громовском кладбище, предполагая устроить небольшую молельную в стенах Смирновской часовни. Так ничего и не добившись, пастырь умер в 1940 г. и был похоронен в Вырице⁹⁸.

Во 2-й половине 30-х гг. XX в. все требы совершались в домах и квартирах старообрядцев Белокриницкого согласия в обстановке глубокой конспирации и страха, часто по ночам. Верующие приглашали к себе как вернувшихся из заключения священников города (о. Василия Космачева и о. Самуила Фомичева), так и иногородних, по принципу «кто кого лучше знает». Через 6 лет после ликвидации Громовской общины потеряли свою последнюю церковь в Ленинграде и поповцы-неокружники. 2 февраля 1939 г. Верховный Совет РСФСР принял решение о закрытии их деревянной церкви Покрова Пресвятой Богородицы на Волковом кладбище, и в том же месяце храм был опечатан⁹⁹.

В советский период все старообрядческие толки и согласия чрезвычайно сильно, больше чем другие конфессии, пострадали от антирелигиозной

политики государства. В это время со старообрядцами произошло то, что не могли сделать ни гонения, ни пытки прошлых веков: многие отошли от веры отцов. Были уничтожены целые социальные слои, традиционно служившие опорой старообрядчества: торговцы, промышленники, кустари, мелкие предприниматели, кооператоры, зажиточное крестьянство, казачество. При самодержавии, не ставившем своей целью разрушение быта и социальной структуры, являвшихся стержнем старообрядческой религиозной жизни, староверы сравнительно легко переносили дискриминацию и открытые гонения. Полное же разрушение быта и общественных связей в Советской России самым трагическим образом сказалось на состоянии старообрядчества. Антирелигиозная государственная политика во много раз ускорила и усилила процесс секуляризации в среде староверов.

В 1934 г. скончался старообрядческий архиепископ Московский и всея Руси Мелетий, и Местоблюстителем архиепископского престола был определен епископ Кавказский Викентий (Никитин). Однако после его ареста в 1937 г. и смерти 12 апреля 1938 г. в Бутырской тюрьме первосвятительская кафедра старообрядческой Церкви Белокриницкого согласия пустовала около 3 лет. На свободе оставался единственный архиерей — епископ Калужский и Смоленский Савва (Ананьев). Часть Белокриницкой иерархии погибла в годы Гражданской войны, некоторые священнослужители вынуждены были эмигрировать. Еще 2 епископа — Самарский Иринарх (Парфенов) и Ленинградский Геронтий (Лакомкин) — находились в заключении. Координацию деятельности сохранившихся общин Белокриницкого согласия в 1937–1940 гг. по мере возможности осуществлял настоятель Покровского собора столицы на Рогожском кладбище протоиерей Василий Королев. В 1940 г. Владыка Иринарх вышел на свободу, и в 1941 г. был возведен епископом Калужским и Смоленским Саввой в сан архиепископа Московского и всея Руси. Он служил в основном в Покровском соборе на Рогожском кладбище¹⁰⁰.

С первых дней войны иерархи Старообрядческой Церкви обратились к пастве с воззваниями, в которых призывали всех верных патриотов встать на защиту Родины от «аспида и василиска Тевтонского». Их паства откликнулась на эти призывы, активно участвуя в борьбе с общим врагом и на фронте, и в тылу. Проведя сбор средств, старообрядцы Белокриницкого согласия пожертвовали в Фонд обороны более одного миллиона рублей. Многие староверы отдали свои жизни за победу на полях войны. Даже председатель Союза воинствующих безбожников Емельян Ярославский в своей статье 1941 г. «Почему религиозные люди против Гитлера» был вынужден положительно оценить патриотическую позицию архиепископа Иринарха¹⁰¹.

14 октября 1941 г. церковное руководство различных конфессий, в том числе часть старообрядческого духовенства, было эвакуировано из Москвы с целью не допустить возможности его захвата германскими войсками. Среди временно эвакуированных из столицы в Ульяновск оказались Владыка Иринарх, настоятель Покровского собора Рогожского кладбища протоиерей Владимир Королев и ответственный секретарь Белокриницкой архиепископии Константин Абрикосов. Архиепископ Иринарх вернулся в Москву из

эвакуации осенью 1942 г., а за несколько месяцев до этого, 4 июля 1942 г., вышел на свободу епископ Ленинградский и Тверской Геронтий (Лакомкин). В то время Ленинград находился во вражеской блокаде, большая часть территории Ленинградской и Тверской епархии была оккупирована немецкими войсками. Епископ Геронтий не имел возможности узнать, что стало с его паствой¹⁰².

Между тем к началу Великой Отечественной войны на Северо-Западе России были закрыты все храмы и молельни старообрядцев (как поповцев, так и беспоповцев). Последнюю их действующую церковь — в селе Ротково Гатчинского района — ликвидировали 7 июня 1941 г. Репрессии в отношении староверов со стороны органов НКВД продолжались даже в первые месяцы войны. Так, 29 июня 1941 г. был арестован живший в деревне Вольное Заборовье Солецкого района Новгородского округа старообрядческий священник Демьян Гаврилович Кузнецов. 17 октября 1941 г. он был приговорен к 10 годам заключения и скончался 12 августа 1942 г. в исправительно-трудовой колонии № 7 города Березники Пермской области. В период же немецкой оккупации старообрядческие общины вышли из подполья. В Пскове староверам для проведения богослужений была даже предоставлена не действовавшая православная церковь св. Василия Великого на горке в центре города. Ее община, вероятно, получала помощь от многочисленных старообрядцев Латвии и Эстонии. Так, только на эстонском побережье Чудского озера в 1945 г. проживали около 10 тыс. русских старообрядцев (главным образом беспоповцев), в городе Калласте они составляли 95% населения. Группа староверов существовала и в отошедшем в конце войны к Псковской области городе Печоры. В информационной записке уполномоченного Совета по делам религиозных культов по Эстонской ССР от 18 ноября 1945 г. говорилось: «Широкие массы старообрядцев, особенно причудских, характеризуются в политическом отношении во время оккупации на 90% враждебными немцам. Как иллюстрацию их теперешнего политического настроения привожу фразу одного из их деятелей: “Хотя советская власть и плохая, но все же это наша власть”»¹⁰³.

Впрочем, некоторые старообрядцы все же сотрудничали с немцами. Один из свидетелей тех событий Д. Каров позднее в своих воспоминаниях писал: «Можно смело утверждать, что в самой среде староверов немецкой контрразведке делать было нечего — советских агентов там не было... Староверы, жившие в лесах, чрезвычайно точно информировали абвер обо всем происходящем у партизан и их передвижениях». Помимо Пскова известны случаи открытия молитвенных домов и в других местах Ленинградской области: в Гатчинском районе, Хотьгощской молельни в Волотовском районе Псковского округа, церкви в Пожеревицком районе и т. д. Какие-либо конфликты старообрядцев с православной Псковской духовной миссией неизвестны. Более того, происходило даже определенное их сближение. Так, в одном из номеров газеты «Православная Русь» за 1942 г. отмечалось: «В Псковской области, а также и всюду в Прибалтике и Литве много старообрядцев. В настоящее время произошло отраднейшее явление: старообрядцы перестали

чуждаться православной Церкви и во многих местах произошло фактическое их объединение с православной Церковью. Много этому способствовал своею умелой и разумной политикой Рижский экзарх — митрополит Сергей, которого старообрядцы теперь очень почитают»¹⁰⁴. С приходом советских войск почти все открывшиеся в период оккупации старообрядческие церкви и молитвенные дома были вновь закрыты, за исключением церкви св. Василия Великого на горке в Пскове и двух сельских церквей поповцев Белокриницкого согласия в Псковской области.

В начале 1944 г., когда фронт отодвинулся на запад, появилась возможность оценить масштабы разорения, которому подверглась в предвоенные годы Ленинградско-Тверская епархия. Если в 20-х гг. XX в. в ней действовало более 25 приходов, то к 1945 г. остались лишь храм Покрова Пресвятой Богородицы во Ржеве и указанные церкви в Псковской области. Множество храмов было уничтожено, остальные здания экспропрированы и в основном перестроены. Из более чем 40 довоенных священнослужителей в живых остались лишь 4, включая епископа Геронтия. Таким образом, его епархия практически перестала существовать.

В этой обстановке Московская старообрядческая архиепископия поручила Владыке Геронтию управлять Ярославско-Костромской епархией. Кроме этого, в конце 1943 г. архиепископ Иринарх добился от Совета по делам религиозных культов разрешения привлечь епископа Ярославского и Костромского Геронтия к работе в архиепископии в качестве своего помощника. В это время Владыка переехал в Москву и до своей смерти постоянно проживал при Рогожском кладбище, активно занимаясь восстановлением разгромленной в 30-х гг. XX в. епархии. Все свободное от поездок и богослужений время он отдавал составлению воспоминаний, в том числе о годах заключения, и работ по различным вопросам церковной жизни. Как и раньше, епископ продолжал активно проповедовать. За 7 лет его служения при Покровском кафедральном соборе в Москве слушать проповеди Владыки Геронтия приезжали тысячи верующих из разных мест¹⁰⁵.

В 1945 г. советские власти в связи с общей либерализацией религиозной политики вновь разрешили старообрядческой архиепископии выпустить церковный календарь (выходящий с тех пор ежегодно), и до 1949 г. изданием календаря руководил епископ Геронтий. В это время еще продолжалось освобождение из лагерей священнослужителей, однако большинство из осужденных в довоенный период погибли. Так, в 1945 г. епископ Геронтий получил официальное извещение, что его сын, Геннадий Лакомкин, скончался в лагере (на самом деле за открытое исповедание христианской веры он был в 1937 г. вторично осужден и расстрелян)¹⁰⁶.

Количество официально действующих общин после окончания войны увеличилось, к началу 50-х гг. XX в. их число в СССР превысило 100 (число верующих составляло несколько сот тысяч человек). Количество архиереев в Старообрядческой Церкви Белокриницкого согласия также постепенно росло, к 1948 г. их уже было 5. При этом возникла новая проблема: не хватало священников. Одни погибли в лагерях и тюрьмах, другие еще не вернулись

из заключения, третьи были рассеяны на различных гражданских работах. Война и страшная 900-дневная блокада Ленинграда нанесла тяжелый удар по остаткам громовских прихожан: те из них, кто не был арестован в 1932, 1934 или в 1937–1938 гг., погибли на фронтах Великой Отечественной войны, умерли от голода или были вывезены по «дороге жизни» и оказались в далекой эвакуации. Окончание войны в Ленинграде встретили считанные десятки старообрядцев. Но затем постепенно в родной город стали возвращаться уцелевшие прихожане, появились переселенцы, подрастала молодая смена.

Используя временное смягчение курса советской религиозной политики в годы Великой Отечественной войны, группа приемлющих священство ленинградских старообрядцев (П. М. и Р. Я. Петровы, И. В. Ларионов, И. М. Мельников) 10 июня 1945 г. обратилась в Ленгорисполком с письменной просьбой передать им здание бывшей греческой церкви св. Димитрия Солунского, а до его восстановления разрешить собираться для совершения молитвы в Смирновской часовне: «Просим... разрешить нам совершение богослужения по старопечатным книгам, для каковой цели просим предоставить нам свободное ныне религиозное здание по Лиговской улице, против улицы Жуковского. Убедительно просим также оказать нам помощь в получении необходимых для ремонта здания материалов, а также церковного инвентаря: книг и облачений, которых мы достать не можем. Впредь до производства необходимого ремонта и восстановления просимого нами здания по Лиговской улице просим разрешения нам собираться для молитвы в сохранившейся часовне (бывшей Смирновской) на Громовском старообрядческом кладбище»¹⁰⁷. Однако уполномоченный Совета по делам религиозных культов по Ленинграду и Ленинградской области Н. М. Васильев в своем заключении от 20 ноября 1945 г. отказал старообрядцам¹⁰⁸. Официального разрешения собираться в Смирновской часовне верующие также не получили, но власти, вероятно, смотрели на это «сквозь пальцы». Летом 1945 г. попытку зарегистрировать церковную общину предприняла М. Я. Петунова, независимо от которой примерно в то же время подали заявление в Ленгорисполком Т. З. Акутин и Н. А. Зевакин. Все они являлись бывшими громовскими прихожанами.

Начиная с 1945 г. ленинградские старообрядцы Белокриницкого согласия (к середине этого года их было уже около 900 человек) несколько десятилетий подавали ходатайства в различные инстанции о предоставлении им того или иного храма, но неизменно получали отказы. Не помогли и личные обращения старообрядческого архиепископа Московского и всея Руси Иринарха, который, например, 23 декабря 1946 г. писал Н. М. Васильеву: «Старообрядческая архиепископия Московская и всея Руси, поддерживая ходатайство верующих старообрядцев гор[ода] Ленинграда об открытии церкви, обращается к Вам с просьбой об ускорении этого дела и одновременно ставит Вас в известность о том, что по получении разрешения на открытие храма, назначение священника — настоятеля храма в Ленинград — с нашей стороны не задержится»¹⁰⁹.

Стараясь вселить надежду в свою паству, архиепископ Иринарх и епископ Геронтий (Лакомкин) в обращении к христианам-старообрядцам Ленинграда от 31 октября 1948 г. писали: «В Ленинграде разрешили же храм беспоповцам, просите и нам. Все здания бывших церквей есть достояние государства, а не тех, кто их строил. А поэтому уполномоченные по делам религиозных культов должны их распределять по потребности верующих. Если все наши храмы, а их было семь, уничтожились, то вместо их вполне нам кажется возможным дать нам хоть один храм из свободных. Пастырски призываем всех Вас к миру и любви. Усугубите свои молитвы, честно, благородно, в вежливой форме усердно просите ускорить разрешение о храме»¹¹⁰. Однако 4 июля 1949 г. Ленгорисполком принял очередное постановление об отклонении ходатайства верующих-старообрядцев Белокриницкого согласия о передаче им помещения бывшего Пекинского подворья Русской Православной Церкви с храмом Рождества Христова на Воронежской улице¹¹¹.

Так и не дождавшись открытия храма в Ленинграде и предчувствуя приближение кончины, в октябре 1950 г. епископ Геронтий составил свое «Духовное завещание», текст которого старообрядцы хранили, переписывали и передавали друг другу как великую реликвию. В мае 1951 г. в Покровском соборе на Рогожском кладбище состоялось торжественное чествование епископа Геронтия по случаю 45-летия его служения в священном сане. По окончании Божественной литургии архиепископ Московский и всея Руси Иринарх торжественно поздравил своего ближайшего помощника, сказав Слово, которое явилось прижизненным признанием заслуг епископа Геронтия. Скончался Владыка 7 июня 1951 г. и был похоронен на Рогожском кладбище¹¹².

Поскольку легально открытый храм в Ленинграде отсутствовал, для исполнения духовных треб сюда тайно приезжали священники Белокриницкого согласия из Москвы, Костромы, чаще других священник Илия Игнатьевич Ближников из деревни Сысоево Пожеревицкого района Псковской области. На попечении последнего находились 2 сельских храма в этой области, в 300 км от Ленинграда. В первые послевоенные годы о. Илия был единственным священником, регулярно посещающим северную столицу. Еще не имея регистрации, он тайно приезжал в город, проводя здесь иногда целые недели, переходя из дома в дом, из квартиры в квартиру, исповедуя, причащая, крестя и венчая старообрядцев. С начала 50-х гг. XX в. власти почти 10 лет официально разрешали о. Илие приезжать в Ленинград и совершать требы и молебны в частном порядке. В эти годы он являлся духовным отцом большинства местных старообрядцев. По всей видимости, о. Илия служил не только в квартирах (на Черной речке, Гороховой улице и др.), в поселке Вырица, но и на Громовском кладбище¹¹³.

В начале «хрущевской оттепели» старообрядцы активизировали попытки открыть свой храм. Так, например, 19 ноября 1957 г. группа старообрядцев Белокриницкой иерархии вновь обратилась к уполномоченному Совета по делам религиозных культов по Ленинграду и Ленинградской области Васильеву с просьбой передать им одно из церковных зданий города, подчеркивая, что храм на Громовском кладбище не сохранился¹¹⁴. В это время Васильев

уже поддерживал подобные ходатайства, но в 1958 г. в Советском Союзе началась очередная ожесточенная кампания борьбы с религией, и решение вопроса вновь было отложено «в долгий ящик».

Существовавшие в послевоенный период некоторые положительные изменения в религиозной сфере имели свои ограничения. Так, например, с момента обретения гражданских и вероисповедных свобод в 1905 г. на Освященных Соборах неоднократно обсуждалась проблема создания старообрядческой митрополии. Поднят был этот вопрос и в 1956 г., однако власти в последний момент отказали (как уже говорилось, приближалась «хрущевская» волна религиозных гонений 1958–1964 гг.). Сразу же после начала этих гонений в 1958 г. была закрыта последняя обитель Белокриницкого согласия — Куничский Казанский женский монастырь в Молдавии, находившийся до Второй мировой войны на территории Румынии и поэтому уцелевший в 30-х гг. XX в. В 1961 г. власти отобрали у старообрядческой общины и разрушили величественный Успенский храм в городе Горьком. Нередко при ликвидации общин дело доходило до грубых оскорбительных выходок. Так, при закрытии Михалкинской старообрядческой церкви в Псковской области комсомольские активисты выбрасывали на улицу культовые предметы, чем вызвали массовое недовольство верующих¹¹⁵. Во времена «хрущевских» гонений в Москве прошла кампания разрушения закрытых в 30-х гг. XX в. храмов и моленных домов Белокриницкого согласия под предлогом реконструкции и расширения улиц.

После прекращения в конце 1964 г. открытых гонений Совет по делам религий продолжал держать архиепископию под жестким контролем. В 70-х гг. XX в. при архиепископе Никодиме (Латышеве) нередкими стали запрещения в служении активных священников. Под нажимом Совета Старообрядческая Церковь регулярно жертвовала в Фонд мира крупные суммы, что фактически означало принудительное изъятие значительной части ее средств. Однако паства внутренне не принимала этих действий Владыки: во время чтения посланий архиепископа Никодима люди демонстративно разговаривали в храме или покидали его. А община кафедрального Покровского собора в Москве даже обсуждала вопрос о лишении Владыки Никодима денежного содержания. Продолжались преследования некоторых оппозиционных священнослужителей. В тот период значительной фигурой в старообрядческом духовенстве являлся протоиерей Евгений Алексеевич Бобков, юрист по образованию, широко известный в «диссидентских кругах» 70-х гг. XX в. Энергичный, общительный и эрудированный, он многое сделал для активизации жизни в Старообрядческой Церкви и увеличения числа верующих, в том числе из интеллигенции. За свою деятельность о. Евгений после хиротонии во священника был временно назначен в Гомель (фактически выслан из Москвы), без права служить и проповедовать во время приездов в столицу. В 1-й половине 80-х гг. XX в. протоиерей Евгений Бобков был благочинным нескольких епархий и фактически секретарем архиепископа Никодима (Латышева). Гибель 25 ноября 1985 г. в автокатастрофе этого выдающегося проповедника обескровила возрождавшееся движение пастырства¹¹⁶.

С конца 70-х гг. XX в. в Советском Союзе вновь стали открываться новые приходы старообрядцев Белокриницкого согласия. И в 1978 г. новая группа старообрядцев приняла решение ходатайствовать об открытии старообрядческой общины в Ленинграде. Среди них присутствовали М. П. Чунина, С. Я. Федоров, Л. А. Дмитриева и другие, но главным вдохновителем был Б. А. Дмитриев, бывший алтарник Громовского храма, в 80-летнем возрасте поставленный епископом Геронтием во чтецы. Это была уже 4-я за прошедшие полвека попытка зарегистрировать и возродить старообрядческую общину в Ленинграде. Снова инициаторы обходили оставшихся громовских прихожан, снова собирали подписи и уговаривали людей вступить в «двадцатку». Главным «ходоком» по всем общинным делам была М. П. Чунина — сестра покойного страдальца епископа Александра (Чунина). На первом этапе «бюрократической войны» большую помощь ленинградским старообрядцам советами и консультациями оказал упоминавшийся протоиерей Евгений Бобков из Гомеля. Но всюду за ним постоянно следили агенты КГБ, поэтому о. Евгений имел привычку никогда не оставлять черновики с автографами; он просил запомнить его советы или разрешал записать их своими словами¹¹⁷.

Осенью 1982 г., наконец, была официально зарегистрирована община Белокриницкого согласия в Ленинграде, и весной следующего года в ее пользование передали полуразрушенное здание бывшей православной церкви св. князя Александра Невского на военном Преображенском кладбище (тогда кладбище Памяти жертв 9 января). 27 апреля 1983 г., незадолго до Пасхи, Ленинград посетил о. Евгений Бобков. Приехав на «Малышевские чтения» в Пушкинский Дом, он тайно совершил «чин закладки храма» в стенах восстанавливаемой церкви. Прочитав положенные молитвы, о. Евгений установил в алтаре Водружальный Крест. Первое богослужение в храме состоялось в Пасху 8 мая 1983 г., а 25 декабря того же года церковь была освящена малым чином во имя Покрова Пресвятой Богородицы¹¹⁸.

Весной 1984 г. обслуживать ленинградский приход было поручено священнику Леониду Гусеву из Нижнего Новгорода, который, правда, мог приезжать в город на Неве только 2–3 раза в год. 6 апреля 1986 г. в Покровском храме состоялась первая архиерейская служба — в Крестопоклонное воскресенье ее совершил приехавший из Москвы Местоблюститель престола Московского архиепископа епископ Анастасий (Кононов). Только в 1992 г., спустя 9 лет после освящения храма, в петербургский приход был рукоположен постоянный священник. Им стал участник процесса возрождения прихода о. Геннадий Чунин, который, будучи поставлен чтецом еще в 1983 г., как «старейший» по чину возглавлял службу в храме в отсутствие священника.

Интересно отметить, что в 1988 г. Московский Художественный театр возвратил переданный ему для озвучивания театральных постановок в 20-х гг. XX в. самый большой колокол старообрядческого Покровского собора на Рогожском кладбище (весом более 4 т) законному владельцу. В 1986 г. Старообрядческая Церковь Белокриницкого согласия уже имела трех епископов, 126 приходов, 54 священника и 8 диаконов, численность ее паствы превышала миллион человек¹¹⁹. Основная масса верующих проживала в юго-западных

регионах СССР: Молдавии, Черновицкой, Винницкой и Одесской областях Украины, другая часть — в Московской, Нижегородской, Волгоградской, Ростовской, Брянской, Костромской, Новосибирской, Томской областях и Ставропольском крае.

Первосвятительскую кафедру Старообрядческой Церкви Белокриницкого согласия в 1941–1991 гг. возглавляли архиепископ Иринарх (Парфенов) в 1941–1952 гг., архиепископ Флавиан (Слесарев) в 1952–1960 гг., архиепископ Иосиф (Моржаков) в 1961–1970 гг., архиепископ Никодим (Латышев) в 1971–1986 гг., Местоблюститель епископ Анастасий (Кононов) в 1986 г., архиепископ Алимпий (Гусев) с 6 июля 1986 г. На Освященном Соборе 1988 г. в Москве была учреждена старообрядческая митрополия. 24 июля 1988 г. митрополитом Московским и всея Руси был избран архиепископ Алимпий, который и после распада СССР продолжал возглавлять Русскую Православную Старообрядческую Церковь (так звучало новое официальное название) Белокриницкого согласия. Внутреннего раскола в этой Церкви не произошло, хотя ее зарубежная часть с приходами в США, Канаде, Австралии и других странах оказалась насильственно отделена. Несмотря на это, обе части всегда ощущали духовное единство, и в 1988 г., во время празднования 1000-летия Крещения Руси, Освященный Собор восстановил каноническое единство отечественных и зарубежных старообрядцев (имевших свою Белокриницкую митрополию кафедру в румынском городе Брэила)¹²⁰. Таким образом, с 1988 г. существуют 2 митрополии Белокриницкого согласия: в Москве и Брэиле.

В заключение следует отметить, что лишь исключительная активность и настойчивость ленинградских старообрядцев Белокриницкого согласия стала причиной того, что Громовское кладбище (где еще долгое время после уничтожения храмов теплилась церковная жизнь), в отличие от находившегося рядом Митрофаниевского кладбища, частично сохранилось до наших дней. На части территории Громовского кладбища были размещены склады, проложена железнодорожная ветка, многочисленные разграбления свели число старых надгробий к минимуму, однако все же уцелело несколько десятков памятников: над купеческими могилами Рахмановых, Цековых, Головиных, Кашиных, Капустиных, Акимовых, Михалевых и др. Сохранилась правда в полуразрушенном виде, и Смирновская часовня.

В конце 90-х гг. XX в. возникла идея возродить поруганный, но не уничтоженный до конца Громовский некрополь. Верующие во главе с В. С. Леонтьевым 7 мая 2003 г. зарегистрировали восстановленную Громовскую старообрядческую общину и организовали ходатайство о передаче ей Громовского кладбища. Община была основана по благословению митрополита Московского и всея Руси Алимпия и при участии иерея Геннадия Четвергова. В качестве восприемницы исторической Громовской общины при Громовском кладбище, с первых дней своего существования возрожденная община считала своими основными задачами передачу оставшейся территории Громовского кладбища и здания Чубыкинской богадельни петербургским старообрядцам, постройку новой деревянной церкви на месте уничтоженного Успенского храма и восстановление Покровского кафедрального собора, в чем

ее поддерживает нынешний старообрядческий митрополит Московский и всея Руси Андриан (Четвергов). Переписка с чиновниками Петербурга по этому поводу, начатая еще в 1998 г. иереем Геннадием Чуниным, пока фактически не дала значимых результатов¹²¹.

Постепенно возрождается и старообрядческая Санкт-Петербургская епархия. В июне 2001 г. в северной столице была образована и зарегистрирована еще одна, Лиговская старообрядческая община, председателем которой стала известная исследовательница старообрядческой литературы Н. В. Поныр-ко. В 2005 г. община добилась возвращения ей здания старообрядческого храма в Транспортном (Чубаровом) переулке, нуждающегося в серьезной реставрации, которая активно развернулась в 2009 г. В июне 2004 г. Санкт-Петербург, в том числе Громовское кладбище, посетил старообрядческий митрополит Московский и всея Руси Андриан, а в декабре этого же года была воссоздана Санкт-Петербургская и Тверская епархия во главе с епископом Амвросием (Герцогом), поставление которого на кафедру торжественно совершилось 5 января 2005 г. в Покровском храме¹²².

29 сентября 2002 г. на месте алтаря снесенной деревянной Успенской церкви на Громовском кладбище был установлен и освящен памятный 6-метровый деревянный осмиконечный крест. В 2003 г. по инициативе Громовской общины прихожане храма Покрова Пресвятой Богородицы установили 6 крестов над могилами епископа и священников¹²³. Летом 2004 г. на кладбище были проведены работы по расчистке и благоустройству. Однако существующая опасность рекультивирования Громовского кладбища требует участия всех петербуржцев в его спасении.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (далее — ЦГА СПб), ф. 104, оп. 2, д. 8, л. 22–22 об.
- ² Архив Управления федеральной службы безопасности Российской Федерации по Санкт-Петербургу и Ленинградской области (далее — АУФСБ СПб ЛО), фонд архивно-следственных дел, д. П–79521, т. 1, л. 213–214.
- ³ Там же, л. 9; т. 3, л. 308.
- ⁴ Там же, т. 1, л. 101, 122–123, 128.
- ⁵ ЦГА СПб, ф. 1963, оп. 180, д. 4361-е, л. 284–287.
- ⁶ Там же, ф. 1001, оп. 8, д. 60, л. 153–153 об.
- ⁷ Там же, л. 153 об.—154.
- ⁸ Там же, л. 154.
- ⁹ Там же, л. 154 об.
- ¹⁰ Там же, л. 155.
- ¹¹ Там же.
- ¹² Там же, л. 155 об.
- ¹³ АУФСБ СПб ЛО, фонд архивно-следственных дел, д. П–79521, т. 1, л. 97.
- ¹⁴ ЦГА СПб, ф. 1001, оп. 8, д. 60, л. 155 об.—156.
- ¹⁵ Там же, л. 151–151 об.
- ¹⁶ Там же, ф. 285, оп. 13, д. 24; оп. 29, д. 14, л. 6, 12.
- ¹⁷ Там же, оп. 14, д. 8.

- ¹⁸ Там же, оп. 15, д. 21, л. 13.
¹⁹ Там же, л. 10, 16, 19.
²⁰ Там же, л. 25, 27.
²¹ Там же, л. 21, 31.
²² Там же, л. 32, 35, 39; д. 29, л. 91–92; д. 13, л. 16.
²³ АУФСБ СПб ЛО, фонд архивно-следственных дел, д. П–79521, т. 2, л. 594; Антонов В. В., Кобак А. В. Святыни Санкт-Петербурга. Т. 3. СПб., 1996. С. 197–198.
²⁴ ЦГА СПб, ф. 7383, оп. 1, д. 12, л. 34, 37, 43.
²⁵ Там же, л. 29–30.
²⁶ Там же, л. 31.
²⁷ Там же, л. 41.
²⁸ Там же, л. 35–36, 38, 42.
²⁹ Там же, л. 87–87 об.
³⁰ Там же, л. 88.
³¹ Там же.
³² Там же, л. 88 об.
³³ Там же, л. 88 об.–89.
³⁴ Там же, л. 89.
³⁵ АУФСБ СПб ЛО, фонд архивно-следственных дел, д. П–79521, т. 1, л. 97.
³⁶ ЦГА СПб, ф. 7383, оп. 1, д. 12, л. 89 об.–90.
³⁷ Там же, л. 71–73, 75–77, 79–82, 83–90.
³⁸ Красная газета (вечерний выпуск). 1927. № 196; Яковлева Н. Старообрядческая Церковь в Транспортном переулке 5 // Старообрядцы Санкт-Петербурга. СПб., 2005. С. 91, 94.
³⁹ ЦГА СПб, ф. 7383, оп. 1, д. 25, л. 55.
⁴⁰ Там же, л. 69.
⁴¹ Там же, ф. 104, оп. 2, д. 7, л. 22 об.; ф. 7383, оп. 1, д. 72, л. 58 об.
⁴² АУФСБ СПб ЛО, фонд архивно-следственных дел, д. П–79521, т. 1, л. 5.
⁴³ ЦГА СПб, ф. 7383, оп. 1, д. 30, л. 22.
⁴⁴ Там же, д. 27, л. 5–5 об.
⁴⁵ Там же, л. 4, 8.
⁴⁶ Там же, ф. 104, оп. 1, д. 134, л. 30 об.; ф. 1000, оп. 12, д. 112, л. 67, 69.
⁴⁷ Там же, ф. 1000, оп. 12, д. 112, л. 68, 71–71 об.
⁴⁸ Там же, л. 66; ф. 7383, оп. 1, д. 27, л. 9.
⁴⁹ Там же, ф. 1000, оп. 12, д. 112, л. 1 об., 64; ф. 7383, оп. 1, д. 27, л. 12–13.
⁵⁰ Там же, ф. 7383, оп. 1, д. 27, л. 11.
⁵¹ Там же, ф. 1000, оп. 12, д. 112, л. 65, 73.
⁵² Там же, л. 72–72 об.
⁵³ Там же, оп. 48, д. 42, л. 1; ф. 7383, оп. 1, д. 52, л. 22.
⁵⁴ Там же, ф. 7383, оп. 1, д. 52, л. 64–64 об.
⁵⁵ Там же, л. 63–63 об., 72–73.
⁵⁶ Панкратов А. В. Белокриницкая иерархия // Православная энциклопедия. Т. 4. М., 2002. С. 554; Коломейцев П. Есть ли будущее у старообрядцев? // Религия и демократия: На пути к свободе совести. Вып. 2. М., 1993. С. 523.
⁵⁷ ЦГА СПб, ф. 7383, оп. 1, д. 52, л. 24–25.
⁵⁸ АУФСБ СПб ЛО, фонд архивно-следственных дел, д. П–79521, т. 4, л. 328, 345.
⁵⁹ Там же, т. 1, л. 25, 104, 149, 159.
⁶⁰ Там же, т. 1, л. 126; т. 4, л. 333.
⁶¹ Там же, т. 4, л. 364.
⁶² Там же, т. 1, л. 27; т. 3, л. 221.
⁶³ Там же, т. 3, л. 298.
⁶⁴ Там же, т. 4, л. 350.
⁶⁵ ЦГА СПб, ф. 1000, оп. 51, д. 35, л. 1, 3; оп. 67, д. 76, л. 70–72; д. 164, л. 44; Шульц С. С. Храмы Санкт-Петербурга. История и современность. СПб., 1994. С. 222.

- ⁶⁶ Самуил Иванович Артемьев (род. 20 августа 1864 г.), протоиерей, с 16 ноября 1918 г. по 26 октября 1931 г. служил настоятелем церкви Воскресения Христова, в 20-х гг. XX в. был членом епархиального совета Ленинградской и Тверской епархии и с марта 1922 г. состоял членом братства имени протопопа Аввакума (АУФСБ СПб ЛО, фонд архивно-следственных дел, д. П-79521, т. 3, л. 416; ЦГА СПб, ф. 7383, оп. 1, д. 12, л. 83 об.-86).
- ⁶⁷ АУФСБ СПб ЛО, фонд архивно-следственных дел, д. П-79521, т. 3, л. 433-434.
- ⁶⁸ Там же, т. 4, л. 325-326.
- ⁶⁹ Там же, т. 2, л. 640; т. 4, л. 335, 337, 344.
- ⁷⁰ Там же, т. 2, л. 594; т. 4, л. 335.
- ⁷¹ Там же, т. 4, л. 338.
- ⁷² Там же, т. 1, л. 128, 159.
- ⁷³ Там же.
- ⁷⁴ Там же, т. 1, л. 159.
- ⁷⁵ Там же, т. 4, л. 341.
- ⁷⁶ Там же, л. 364.
- ⁷⁷ Там же, т. 1, л. 213-218; т. 3, л. 22.
- ⁷⁸ Там же, т. 3, л. 228.
- ⁷⁹ Там же, т. 2, л. 535.
- ⁸⁰ Там же, т. 1, л. 6-27.
- ⁸¹ Там же, т. 2, л. 516-525.
- ⁸² Там же, л. 740.
- ⁸³ Там же, л. 594-599.
- ⁸⁴ Там же, т. 4, л. 375.
- ⁸⁵ Там же, л. 292-296.
- ⁸⁶ Там же, л. 371, 792, 800-802.
- ⁸⁷ Там же, л. 397.
- ⁸⁸ *Чунин Г., иерей.* Святитель Геронтий, епископ Петроградский и Тверской. СПб., 2009. Рукопись. С. 5.
- ⁸⁹ ЦГА СПб, ф. 1000, оп. 51, д. 35, л. 31.
- ⁹⁰ Там же, оп. 50, д. 31, л. 6.
- ⁹¹ Там же, л. 8а.
- ⁹² Там же, л. 19.
- ⁹³ Там же, л. 17.
- ⁹⁴ Там же, л. 18.
- ⁹⁵ Там же, ф. 1000, оп. 50, д. 31, л. 11-15; ф. 7179, оп. 10, д. 502.
- ⁹⁶ Там же, ф. 1000, оп. 51, д. 35, л. 25.
- ⁹⁷ *Пивоварова Н.* Памятники старообрядческой культуры в музеях Санкт-Петербурга (по материалам выставки «Религиозный Петербург») // Старообрядцы Санкт-Петербурга. С. 16.
- ⁹⁸ *Чунин Е., прот.* К 20-летию освящения старообрядческого Покровского храма в Санкт-Петербурге, 2003 // Старообрядцы Санкт-Петербурга. С. 70.
- ⁹⁹ ЦГА СПб, ф. 7384, оп. 33, д. 1, л. 90-98.
- ¹⁰⁰ *Данилушкин М. Б., Никольская Т. К., Шкаровский М. В. и др.* История Русской Православной Церкви. Новый Патриарший период. Т. 1. 1917-1970. СПб., 1997. С. 705; *Панкратов А. В.* Указ. соч. С. 554.
- ¹⁰¹ *Алексеев В. А.* «Штурм небес» отменяется? М., 1992. С. 184.
- ¹⁰² *Чунин Г., иерей.* Указ. соч. С. 5-6.
- ¹⁰³ *Одинцов М. И.* Религиозные организации в СССР накануне и в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. М., 1995. С. 193-194.
- ¹⁰⁴ Архив Санкт-Петербургской епархии, ф. 1, оп. 4, п. 11, д. 3; Православная Русь. 1942. № 21-22. С. 5.
- ¹⁰⁵ *Чунин Г., иерей.* Указ. соч. С. 5-6.
- ¹⁰⁶ *Данилушкин М. Б., Никольская Т. К., Шкаровский М. В. и др.* Указ. соч. С. 712.

- ¹⁰⁷ ЦГА СПб, ф. 9620, оп. 3, д. 41, л. 1–1 об.
- ¹⁰⁸ Там же, л. 2.
- ¹⁰⁹ Там же, л. 19.
- ¹¹⁰ Там же, л. 79–79 об.
- ¹¹¹ Там же, ф. 7384, оп. 26, д. 969, л. 267–269.
- ¹¹² Санкт-Петербургский мартиролог. СПб., 2002. С. 295; *Чушин Г., иерей*. Указ. соч. С. 7.
- ¹¹³ ЦГА СПб, ф. 9620, оп. 3, д. 42, л. 1–11; *Чушин Е., прот.* Указ. соч. С. 71–72.
- ¹¹⁴ ЦГА СПб, ф. 7384, оп. 37, д. 925, л. 108–109.
- ¹¹⁵ *Алексеев В. А.* Указ. соч. С. 231.
- ¹¹⁶ *Денисов Н. Г.* Бобков Евгений Александрович, протоиерей Старообрядческой Церкви Белокриницкой иерархии // Православная энциклопедия. Т. 5. М., 2002. С. 377–378.
- ¹¹⁷ *Чушин Е., прот.* Указ. соч. С. 72–74.
- ¹¹⁸ Там же, С. 76–81; *Шульц С. С.* Указ. соч. С. 222; *Антонов В. В., Кобак А. В.* Указ. соч. С. 179.
- ¹¹⁹ Старообрядческий церковный календарь. М., 1988. Приложение. С. 9.
- ¹²⁰ *Денисов Н. Г., Канаев Д. Н.* Алимпий (Гусев), митрополит Московский и всея Руси старообрядческой Церкви Белокриницкой иерархии // Православная энциклопедия. Т. 2. М., 2001. С. 377–378; *Коломейцев П.* Указ. соч. С. 531.
- ¹²¹ *Чушин Е., прот.* Указ. соч. С. 87–90.
- ¹²² В настоящее время епископ Амвросий (Герцог) уже не возглавляет Санкт-Петербургскую и Тверскую епархию.
- ¹²³ Поднятие креста на Громовском кладбище // Старообрядцы Санкт-Петербурга. С. 97.